

ИЗМЕНА. ВТОРАЯ ЖЕНА МОЕГО МУЖА

ЛИССБЕТ КОТЦОВА

Лиссбет Котцова

Измена. Вторая жена моего мужа

«Литнет»

2026

Котцова Л.

Измена. Вторая жена моего мужа / Л. Котцова — «Литнет», 2026

ФИНАЛ Я узнала об измене мужа не из переписки. Не по запаху чужих духов. Не от подруги, которая виновато отводит глаза. Я увидела видео. Одиннадцать секунд, разлетевшиеся по родительским чатам и районным каналам: мой муж Кирилл целует другую женщину у входа в отель. Спокойно. Нежно. Привычно. Так, будто я давно уже не его жена. Но страшнее оказалось не видео. Страшнее были комментарии под ним. «Так они же давно вместе». «Я думала, жена знает». «Он всем говорил, что они почти развелись». Пока я стирала школьную рубашку сына, собирала его доклад про Сатурн и ждала мужа к ужину, Кирилл уже строил другую версию нашей жизни. В ней я была холодной женой, наш брак — мёртвым, а он — несчастным мужчиной, которому просто захотелось тепла. Её зовут Вера. Она семейный фотограф. Она снимала моего сына на школьном празднике. Видела меня. Видела нашу семью. И всё равно стала женщиной, рядом с которой мой муж снова почувствовал себя живым. Теперь весь район смотрит на меня с жалостью. Свекровь требует сохранить семью. Подруга советует уничтожить Кирилла публично. А сын спрашивает, виноват ли он в том, что папа больше не спит дома. Я хотела узнать только одно: как долго он мне врал. Но чем глубже я иду за правдой, тем яснее понимаю: измена началась не в отеле. Не в первом поцелуе. Не в чужой квартире. Она началась гораздо раньше — в молчании, которое мы оба называли браком. Только одно Кирилл ещё не понял. Я больше не буду спасать то, что спасало только его репутацию.

© Котцова Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Видео	6
Глава 2. Школьный коридор	12
Глава 3. Муж, который вернулся домой	18
Глава 4. Женщина с чужих фотографий	26
Глава 5. Первая ложь	33
Глава 6. Старый телефон	40
Глава 7. Незнакомка по ту сторону экрана	45
Глава 8. Нина Сергеевна	51
Глава 9. Роман Князев	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Глава 1. Видео

Утро началось с пятна.

Маленького, почти незаметного, у самого воротника белой рубашки Матвея. Капля какао впиталась в ткань неровным коричневым облачком — именно там, где потом должен был лежать аккуратный синий галстук с эмблемой школы.

Алина Соловьёва смотрела на это пятно несколько секунд так, будто оно было не пятном, а личным оскорблением.

— Матвей.

Сын поднял на неё глаза из-за стола. Над верхней губой у него остались шоколадные усы. Восемь лет — возраст, когда человек уже способен построить из конструктора космическую станцию, но всё ещё не может выпить какао так, чтобы не уничтожить школьную форму.

— Я нечаянно.

— Я знаю, что не специально. От этого рубашка чище не стала.

Он виновато сжал ложку. Алина сразу пожалела о тоне, но извиниться не успела: на телефоне завибрировало первое рабочее сообщение.

Марина Сергеевна:

Алина, макет по женскому восстановлению нужно срочно согласовать до девяти. Клиент опять хочет “больше тепла и доверия”.

Алина закрыла глаза.

Больше тепла и доверия.

Она работала маркетологом в сети частных медицинских клиник и уже давно знала: чем меньше в жизни у людей было тепла, тем охотнее они покупали его в рекламных обещаниях. «Мы рядом». «Мы заботимся». «Мы слышим вас». Красивые женщины на баннерах улыбались так, будто никогда не стояли утром босиком на холодной кухонной плитке, держа в одной руке детскую рубашку, в другой — телефон, а внутри — тугую, давно привычную усталость.

— Снимай, — сказала она Матвею мягче. — Сейчас застираю.

— Мы опоздаем.

— Не опоздаем.

Они, конечно, опаздывали.

За окном «Береговой квартал» уже просыпался своим стеклянным, благополучным, тревожным лицом. Во дворе, между одинаково ухоженными клумбами и детской площадкой с мягким покрытием, родители вели детей к школе. Женщины в длинных пальто, мужчины с кофе в бумажных стаканах, дети с огромными рюкзаками за спиной — маленькие улитки, несущие на себе всё будущее.

Внизу, у кофейни, кто-то уже фотографировал капучино на фоне дождливого утра. Алина поймала себя на раздражении: людям хотелось доказывать, что они живут красиво, даже если за кадром у них текли краны, трещали браки и не хватало денег до зарплаты.

Она сунула рубашку под струю воды. Пятно расплзлось ещё шире.

— Отлично, — прошептала она.

— Мам?

— Всё нормально.

Это была её самая частая ложь.

Кирилл дома уже не было. Он ушёл рано, оставив на столе пустую кружку с серой полоской недопитого кофе. Не убрал в раковину. Раньше Алина из-за такого злилась бы вслух. Сегодня просто переставила кружку к мойке и почувствовала не злость, а усталое равнодушие.

Равнодушие было хуже злости. Злость хотя бы означала, что внутри ещё что-то сопротивляется.

— Папа сегодня придёт на мой доклад? — спросил Матвей, натягивая другую рубашку — голубую, не по форме, но чистую.

Алина на секунду замерла.

Кирилл обещал. Вчера вечером, стоя у холодильника, не отрываясь от телефона, сказал: «Да, да, помню. Доклад про планеты. Постараюсь». У Кирилла в последнее время все обещания начинались или заканчивались словом «постараюсь». Очень удобное слово. В нём уже заранее было место для неудачи.

— Он сказал, что постарается, — ответила Алина.

Матвей нахмурился.

— Это значит нет?

Она хотела сказать: «Не выдумывай». Но посмотрела на сына и не смогла. Дети слышали правду даже тогда, когда взрослые тщательно заворачивали её в мягкую бумагу.

— Это значит, что он очень хочет прийти, но у него работа.

— У тебя тоже работа.

Алина усмехнулась без радости.

— У меня, видимо, менее важная планета.

Матвей улыбнулся. Ненадолго.

Телефон снова завибрировал. Теперь уже родительский чат.

Полина Громова:

Девочки, напоминаю, сегодня дети рассказывают доклады. Не забываем сменку и хорошее настроение!

Под сообщением тут же появились сердечки, цветочки, стикер с котом в очках. Полина умела превращать любое школьное мероприятие в министерское заседание с блёстками. Администратор родительского чата, мать одноклассника Матвея и местная богиня районных сторис. У неё даже «доброе утро» звучало так, будто она проверяла, кто недостаточно счастлив.

Алина хотела заблокировать экран, но в этот момент пришло личное сообщение.

От Светы.

Ты дома?

Алина нахмурилась. Света не писала так утром. Света утром присылала голосовые на три минуты, в которых одновременно ругалась с поставщиком краски для волос, ела сырник и рассказывала, что «все мужики козлы, кроме тех, кто пока не спалился».

Алина набрала:

Да. Что случилось?

Ответ пришёл не сразу.

Три точки появились, исчезли, снова появились.

Потом на экране всплыло видео.

Без комментария.

Просто видео, длиной одиннадцать секунд.

Алина смотрела на серый прямоугольник с треугольником посередине и вдруг почувствовала, как в кухне стало слишком тихо. Даже вода из крана, казалось, текла осторожнее.

— Мам, где мой пенал?

— В рюкзаке, боковой карман.

Голос у неё прозвучал нормально. Почти.

Она нажала на видео.

Сначала изображение дёрнулось. Ночь. Мокрый асфальт. Светящаяся вывеска отеля — не полностью, только последние буквы, размытые дождём. Кто-то снимал из машины или из-

под козырька, рука дрожала. На заднем плане слышался женский смех, чужой, нетрезвый, далёкий.

Потом в кадре появился Кирилл.

Алина узнала его не сразу.

Не потому что плохо было видно. Наоборот — слишком хорошо. Тёмное пальто, которое она сама выбирала ему прошлой осенью. Шарф, завязанный небрежно, как он любил. Лёгкий наклон головы. Правая рука в кармане. Левая — на талии женщины.

Женщина стояла к камере боком. Светлые волосы, собранные низко, длинное бежевое пальто. Она что-то сказала Кириллу, подняла лицо, и он улыбнулся.

Алина давно не видела у него такой улыбки.

Не рабочей, не усталой, не той, которой он одаривал Матвея, когда вспоминал, что надо быть хорошим отцом. Нет. Эта улыбка была мягкой. Живой. Почти мальчишеской.

Кирилл наклонился и поцеловал женщину.

Не резко. Не украдкой. Не так, как целуют в случайном порыве, которого тут же стыдятся.

Он поцеловал её спокойно. Привычно. Его ладонь чуть сжалась на её талии, большой палец провёл по ткани пальто — маленькое движение, почти незаметное, но именно оно почему-то ударило сильнее самого поцелуя.

Видео закончилось.

Экран снова стал неподвижным.

Алина не дышала.

На плите щёлкнул таймер — она поставила яйца для Матвея и забыла. Звук был обычный, кухонный, домашний. И от этого происходящее стало ещё страшнее. Мир не раскололся. Потолок не рухнул. Из крана всё так же капала вода. На стуле висела школьная жилетка. В прихожей лежали маленькие кроссовки с развязанным шнурком.

А её муж только что целовал другую женщину у входа в отель.

В одиннадцатисекундном видео.

Которое прислала ей лучшая подруга.

— Мам?

Алина выключила экран так резко, будто телефон обжёг ладонь.

— Что?

Матвей стоял в дверях кухни с рюкзаком на одном плече.

— Ты белая.

— Я не белая.

— Белая.

Она отвернулась к плите, сняла кастрюлю, хотя яйца ещё не успели свариться.

— Просто голова заболела.

— Ты не пойдёшь на работу?

— Пойду.

— А в школу?

— И в школу.

— Мам...

— Матвей, надень куртку.

Он ещё секунду смотрел на неё, потом молча ушёл в прихожую. Дверца шкафа хлопнула осторожно. Даже хлопнула — и то осторожно, как будто ребёнок уже почувствовал: в доме появилось что-то хрупкое и опасное.

Телефон снова завибрировал.

Света.

Алин. Ответь.

Следом:

Я не знала, как сказать.

Потом:

Только не смотри чат.

Именно после этих слов Алина открыла родительский чат.

Там было тихо.

Слишком тихо для утра, когда обычно обсуждали сменку, потерянные варежки, доклады, сборы на подарки и то, почему школьная столовая снова дала детям «эти ужасные котлеты». Последнее сообщение Полины про хорошее настроение висело, как декорация после пожара.

Никто ничего не писал.

Но вверху экрана мигало: Полина печатает...

Потом исчезло.

Потом снова: Ирина печатает...

Исчезло.

Алина вдруг поняла: они уже видели. Или знали. Или ждали, кто первым произнесёт вслух.

Пальцы похолодели.

Она вышла из родительского чата и открыла диалог со Светой.

Откуда это?

Света ответила почти мгновенно:

Мне переслали. Говорят, уже в районном закрытом канале. Я пытаюсь понять, кто выложил.

Алина прочитала сообщение один раз. Второй. Третий.

В районном закрытом канале.

Не просто Света. Не просто кто-то случайно снял. Не просто грязный кусок чужой ночи.

Это уже смотрели.

Обсуждали.

Пересылали.

Приближали пальцами его лицо, её лицо, вывеску отеля, время на записи. Делали выводы. Ставили диагноз их браку. Жалели Алину. Сравнивали. Вспоминали, когда видели Кирилла с кем-то. Писали: «Я давно замечала». Такие всегда находились — люди, которые всё замечали после того, как беда уже случилась.

— Мам, я готов! — крикнул Матвей из прихожей.

Алина открыла закрытый районный канал. Она не помнила, когда подписалась на него. Кажется, Полина добавляла всех мам из класса: новости квартала, мероприятия, скидки в салоне Светы, потерянные коты, обсуждение парковки и «важные женские темы».

Последний пост был опубликован двадцать семь минут назад.

Видео.

То самое.

Только теперь под ним была подпись:

Не хотела публиковать, но женщины должны знать правду. Особенно когда человек строит из себя примерного семьянина.

Под видео уже было сто сорок два комментария.

Алина не хотела читать.

Она прочитала.

Так они же давно вместе, разве нет?

Я думала, жена знает.

Он всем говорил, что у них с Алиной давно всё плохо.

Бедная Алина... хотя она всегда такая холодная была.

Мужчины просто так не уходят.

А кто женщина? Очень красивая.

Это вроде фотограф, она у нас детей снимала.

Алина поставила телефон на стол.

Не положила — поставила, прислонив к вазе с засохшими ветками лаванды. Вазу им подарили на годовщину друзья. Кирилл тогда смеялся и говорил, что сухая лаванда — идеальный символ брака после десяти лет: вроде красиво, но уже мёртвое.

Она тогда толкнула его плечом и сказала: «Дурак».

Сейчас эта шутка вернулась и встала между рёбрами.

— Мам! — Матвей появился снова. — Мы точно опоздаем.

Алина посмотрела на сына.

На его голубую рубашку не по форме. На торчащий вихор на макушке. На рюкзак, который был почти больше его спины. На глаза — тревожные, слишком внимательные для восьми лет.

Ей вдруг захотелось подойти, обнять его так крепко, чтобы он ничего не увидел. Ни видео. Ни комментариев. Ни того, как у его матери внутри бесшумно рушится дом.

Но она только взяла со стула пальто.

— Идём.

— А завтрак?

Она посмотрела на недоваренные яйца, на остывшее какао, на кружку Кирилла у раковины.

— Купим тебе булочку по дороге.

Матвей обрадовался бы в любой другой день. Сегодня он не обрадовался.

В лифте было зеркало во всю стену. Алина увидела себя и не сразу узнала. Волосы собраны в низкий хвост, лицо спокойное, губы чуть сжаты. Обычная женщина утром ведёт ребёнка в школу. Не кричит. Не плачет. Не падает на пол.

Таких женщин никто не жалеет вовремя. Они слишком хорошо держатся.

На телефон пришло новое сообщение.

От Кирилла.

Доброе утро. Не забудь, у Матвея сегодня доклад? Я постараюсь вырваться.

Алина смотрела на эти слова, пока лифт спускался с четырнадцатого этажа на первый.

Доброе утро.

Она почти рассмеялась. Но Матвей стоял рядом.

Лифт остановился. Двери разъехались.

В холле пахло мокрыми зонтами, кофе и дорогим освежителем воздуха. Консьержка подняла глаза от монитора и тут же отвела взгляд.

Слишком быстро.

Алина поняла: она тоже видела.

У входа в подъезд две женщины из соседнего корпуса замолчали, как только Алина вышла. Одна поправила шарф. Другая уставилась в телефон с преувеличенным интересом.

Мир не рухнул.

Он просто начал смотреть.

Матвей вложил свою маленькую ладонь в её руку.

— Мам, а папа точно придёт?

Алина сжала его пальцы.

На улице моросил мелкий дождь. Асфальт блестел, как экран телефона.

Она хотела сказать: «Да».

Хотела сказать: «Конечно».

Хотела сказать хоть что-нибудь из той взрослой лжи, которая делает детям мягче первые шаги по разбитому стеклу.

Но вместо этого произнесла:

— Не знаю, сынок.

И впервые за всё утро её голос дрогнул.

Телефон снова завибрировал в кармане. Алина не достала его сразу. Она уже знала, что там может быть: Света, работа, родительский чат, Кирилл, районный канал, чей-нибудь липкий ужас под видом сочувствия.

Но вибрация повторилась.

Она всё-таки посмотрела.

Новое личное сообщение от незнакомого аккаунта. Без аватарки.

Алина, простите. Я думала, вы давно знаете. Он говорил, что вы почти развелись.

Она остановилась посреди двора.

Матвей потянул её за руку:

— Мам?

Алина смотрела на экран и чувствовала, как утро, ещё минуту назад ужасное, становится только началом.

Потому что теперь дело было уже не в поцелуе.

А в том, что у Кирилла, похоже, была целая жизнь, в которой она давно перестала быть женой.

Просто ей забыли сообщить.

Глава 2. Школьный коридор

До школы было семь минут пешком.

В обычное утро Алина проходила этот путь почти не замечая: двор «Берегового квартала», кофейня с прозрачными стенами, мокрая плитка у входа, мамы с бумажными стаканчиками, охранник у калитки, который всегда желал детям хорошего дня так бодро, будто сам в это верил.

Сегодня каждые семь минут растянулись, как переход через чужую жизнь.

Матвей шёл рядом и молчал.

Это было хуже, чем если бы он задавал вопросы. Его ладонь лежала в её руке доверчиво, по-детски тепло, но пальцы иногда чуть сжимались — будто он проверял, здесь ли она ещё. Алина отвечала таким же сжатием. Раз. Потом второй. Маленький безмолвный разговор, в котором она обещала сыну то, чего сама не могла выполнить: всё нормально, я рядом, ничего страшного не случилось.

А страшное уже шло рядом с ними.

Оно было в телефоне, тяжёлом в кармане пальто. В этом телефоне лежал одиннадцатисекундный кусок ночи, где её муж целовал другую женщину так, как давно не целовал её. В телефоне были комментарии людей, которые ещё вчера улыбались ей в лифте. В телефоне было сообщение от незнакомого аккаунта:

Я думала, вы давно знаете. Он говорил, что вы почти развелись.

Алина перечитывала его мысленно, хотя не доставала телефон.

Почти развелись.

Какая удобная фраза. В ней не было ни даты, ни ответственности, ни боли. Почти — это когда ещё можно ночевать дома, пить кофе из общей кружки, целовать сына в макушку, спрашивать жену, где лежат чистые носки. Развелись — это когда где-то там, в другой жизни, можно класть руку на чужую талию и говорить кому-то: «У нас давно всё закончено».

Почти.

Слово-предательство.

— Мам, — тихо сказал Матвей.

— Что?

— Ты очень крепко держишь.

Алина тут же ослабила пальцы.

— Прости.

— У тебя правда голова болит?

Она посмотрела на него. На вихор на макушке, на куртку, застёгнутую криво, на рюкзак с нашивкой в виде ракеты. Он был ещё таким маленьким. И уже слишком внимательным.

— Немного.

— Из-за работы?

— Наверное.

Матвей кивнул с серьёзностью взрослого человека, которому сказали достаточно правды, чтобы не обидеть ложью.

У школьной калитки стояли родители. Обычно там было шумно: кто-то просил ребёнка не забыть контейнер, кто-то ругался из-за сменки, кто-то целовал в макушку дочь, которая уже стеснялась нежности. Сегодня шум был, но странный. Не цельный, а рваный. Разговоры вспыхивали и гасли, как только Алина подходила ближе.

Она заметила это сразу.

Сначала женщина в сером пуховике, мама Артёма, посмотрела на неё и резко отвернулась к сыну, хотя мальчик уже убежал к дверям. Потом отец одной из девочек задержал взгляд на

Алине слишком долго, будто пытался решить, здороваться или нет. Потом две мамы у клумбы перестали говорить на полуслове.

Алина вдруг поняла, как выглядит человек, про которого все знают больше, чем он успел пережить.

Её трагедия стала утренней новостью раньше, чем стала её болью.

— Доброе утро, — сказала она охраннику.

— Доброе, Алина... э-э... доброе утро.

Он запнулся на её имени, будто оно стало неудобным предметом, который неловко держать в руках.

Матвей поднял голову:

— Дядя Саша, у нас сегодня доклады.

— Да? Молодец, — охранник улыбнулся ему слишком широко. — Про что рассказываешь?

— Про Сатурн. У него кольца.

Алина вздрогнула.

Кольца.

Какая глупость. Просто планета. Просто детский доклад. Но мир сегодня словно специально подсовывал ей слова, от которых хотелось закрыть уши.

— Красиво, — сказал охранник. — Кольца — это красиво.

Алина прошла внутрь.

В школьном холле пахло мокрой одеждой, сменной обувью, бумагой и чем-то сладким из столовой. На стене висели детские рисунки ко Дню семьи: домики, солнце, мама, папа, ребёнок, собака. Везде одинаковые улыбки, кривые сердечки, большие руки родителей, между которыми стояли маленькие дети.

Алина остановилась на секунду перед одним рисунком. На нём мальчик нарисовал семью под зонтом. Дождь падал вокруг, а внутри зонта всем было сухо.

Она почему-то подумала: а если один взрослый держит зонт над другой женщиной, ребёнок промокает первым.

— Мам, мне в класс, — напомнил Матвей.

— Да. Конечно.

Она присела перед ним, поправила воротник голубой рубашки. Не по форме. Слишком заметно. Как будто даже его одежда сегодня выдавала: в их доме утро пошло не так.

— Ты хорошо расскажешь, — сказала она.

— А если я забуду?

— Значит, вспомнишь. Или скажешь своими словами. Ты же знаешь про Сатурн больше, чем я про всю эту жизнь.

Он улыбнулся. Наконец-то.

— Мам, ты странная.

— Есть немного.

Она хотела поцеловать его в лоб, но почувствовала на себе взгляды и не сделала этого. Почему? Почему чужие глаза вдруг получили власть даже над её нежностью?

Матвей сам обнял её за шею. Быстро, неловко, рюкзаком ударив по плечу.

— Пока.

— Пока, мой хороший.

Он побежал к лестнице. На середине пролёта обернулся и помахал ей рукой.

Алина помахала в ответ.

Когда Матвей скрылся, ей вдруг стало нечем прикрываться.

Пока рядом был сын, она была матерью. Можно было держаться ради него, поправлять воротник, говорить о Сатурне, делать вид, что утро обычное. Теперь она осталась просто жен-

щиной, которую обманули. Женой, чьё унижение уже успели обсудить между школьными бахилами и стаканчиками кофе.

— Алина?

Она знала этот голос ещё до того, как обернулась.

Полина Громова стояла у окна, как всегда безупречная: светлое пальто, волосы мягкими волнами, губы цвета спокойной уверенности. В руках — телефон и термокружка. Женщина, которая могла даже сочувствовать так, что тебе становилось стыдно за собственную разбитость.

Рядом с ней стояли ещё две мамы. Они тут же сделали вид, что рассматривают расписание кружков на стенде.

— Доброе утро, Полина, — сказала Алина.

Голос не дрогнул. Хорошо.

Полина сделала шаг ближе. На лице у неё было выражение нежности, доведённой до неприличия.

— Я всю ночь думала, писать тебе или нет.

Алина посмотрела ей прямо в глаза.

— Всю ночь?

Полина моргнула.

— Ну... я имею в виду, когда увидела. Это же ужасно. Просто ужасно. Ты держишься?

Какой странный вопрос. Держишься ли ты, когда тебя уже столкнули, но ты ещё не успела упасть?

— Я отвела ребёнка в школу, — ответила Алина. — Это считается?

Одна из мам у стенда кашлянула.

Полина понизила голос:

— Я бы на твоём месте вообще сегодня не вышла из дома.

Вот оно.

Не забота. Приговор.

Алина вдруг почувствовала, как внутри поднимается что-то холодное и острое. Не слёзы. Слёзы были бы легче. Это была злость, ещё слабая, но уже живая.

— На моём месте сегодня все побывали раньше меня, Полина. Можно мне хотя бы самой решить, выходить из дома или нет?

Полина чуть поджала губы. На секунду её сочувствие треснуло, и под ним мелькнуло раздражение.

— Я не хотела тебя обидеть.

— Обычно с этой фразы начинают именно это.

Пауза стала заметной. В школьном холле хлопнула дверь. Мимо пробежал мальчик в расстёгнутой куртке, за ним — учительница с папкой.

Полина снова улыбнулась. Уже осторожнее.

— Послушай, я понимаю, тебе сейчас тяжело. Но ты должна знать: видео разошлось не из-за меня.

Алина медленно вдохнула.

— А я спрашивала?

— Нет, но ты могла подумать. Канал же мой, формально. Но мне прислали уже готовое. И я... я не хотела публиковать, правда.

— Но опубликовала.

— Потому что женщины должны знать правду.

Алина смотрела на неё и вдруг ясно увидела: Полина наслаждается. Не чужой болью напрямую — нет, для этого она была слишком воспитанной. Она наслаждается своей ролью. Женщина с факелом. Женщина, которая «не молчит». Женщина, которая превращает чужое разрушение в важный пост.

— Правда без согласия человека, которого она уничтожает, называется не правдой, — сказала Алина тихо. — А кормёжкой для любопытных.

Полина побледнела пятнами.

— Ты несправедлива.

— Возможно. У меня сегодня плохое утро.

Одна из мам всё-таки не выдержала:

— Алина, мы все тебе очень сочувствуем.

Алина повернулась к ней.

— Спасибо.

Женщина смутилась от короткости ответа.

В этот момент телефон Алины завибрировал снова. Она не хотела смотреть, но рука сама скользнула в карман.

Работа.

Марина Сергеевна:

Алина, ты макет видела? Клиент ждёт. Там нужно заменить “мы бережно сопровождаем женщину” на что-то более эмоциональное.

Алина почти усмехнулась.

Более эмоциональное.

Она стояла в школьном холле, где женщины делали вид, что не смотрят на её лицо, хотя только что обсуждали, как её муж целовал другую. Её ребёнок сейчас поднимался в класс с докладом про планету с кольцами. Её телефон был полон чужого сочувствия, похожего на грязную воду. А где-то клиент хотел больше эмоции в рекламном тексте про женскую заботу.

Она написала:

Позже.

И убрала телефон.

Полина всё ещё стояла рядом. Видимо, ждала, что Алина сломается. Попросит подробностей. Заплачет. Обнимет её. Станет благодарной за участие.

Но Алина молчала.

И тогда Полина не выдержала.

— Я просто думала, что ты знаешь.

— Почему?

— Ну... — Полина отвела взгляд к окну. — Просто были разговоры.

— Какие разговоры?

— Алина, не надо сейчас...

— Полина. Какие разговоры?

Её голос стал таким спокойным, что обе мамы у стенда вдруг перестали притворяться и посмотрели прямо.

Полина сжала термокружку двумя руками.

— Что у вас с Кириллом давно всё сложно.

Алина чуть наклонила голову.

— У кого «у вас»?

— Ну... у вас. В семье.

— А кто рассказывал о моей семье?

Полина открыла рот, закрыла. На этот раз её лицо стало почти виноватым. Почти — потому что любопытство всё равно светилось в глазах сильнее вины.

— Я не хочу вмешиваться.

Алина посмотрела на неё долгим взглядом.

— Ты опубликовала видео, где мой муж целует другую женщину. Кажется, это уже было вмешательство.

Полина вспыхнула.

— Кирилл сам говорил.

Всё вокруг будто резко отдалилось.

Шум детей. Хлопанье дверей. Голоса. Скрип подошв по плитке. Всё ушло куда-то в сторону, за толстое стекло.

Алина слышала только собственное сердце.

— Что говорил Кирилл?

Полина поняла, что сказала лишнее. Но уже было поздно.

— Что вы... ну... почти разошлись. Что живёте вместе в основном из-за Матвея. Что ты сама давно... — она запнулась, подбирая слово, которое не прозвучало бы совсем жестоко, — отдалилась.

Алина не сразу смогла ответить.

Не потому что ей нечего было сказать. Наоборот — слов стало слишком много. Они толкались в горле, резали язык, требовали выйти наружу: когда? кому? как он смел? пока я стирала его рубашки? пока записывала Матвея к врачу? пока ждала его с ужином? пока спрашивала, почему он молчит?

Но она сказала только:

— Понятно.

Полина шагнула ближе.

— Алина, я правда думала, что ты в курсе. Он так спокойно об этом говорил... Не всем подряд, конечно. Но знаешь, у нас район маленький, все друг друга...

— Не продолжай.

Полина замолчала.

У лестницы показалась учительница Матвея, Елена Андреевна. Она увидела Алину, улыбнулась обычной школьной улыбкой — и тут же тоже замялась. Значит, знала. Или слышала. Или ей уже переслали.

Конечно.

Теперь все будут знать.

К обеду — работа. К вечеру — свекровь. К ночи — половина города, если алгоритм сочтёт её боль достаточно интересной.

Алина вдруг почувствовала, что ей не хватает воздуха. Не драматически, не красиво. Просто грудная клетка стала узкой, будто кто-то затянул ремень под рёбрами.

Она повернулась к выходу.

— Алина, подожди, — сказала Полина. — Ты же не будешь делать глупостей?

Алина остановилась.

— Глупостей?

— Ну... писать что-то. Ругаться публично. Сейчас многие на эмоциях разрушают то, что ещё можно сохранить.

Алина медленно обернулась.

Слова Полины были мягкими. Почти заботливыми. Но за ними стояло всё то же: «веди себя прилично, пока мы смотрим».

— Полина, — сказала она, — если ты ещё раз произнесёшь при мне слово «сохранить», я попрошу тебя сначала сохранить хотя бы одну чужую тайну. Для тренировки.

И вышла.

На улице дождь стал сильнее.

Алина спустилась по школьным ступеням и остановилась под козырьком. Люди проходили мимо, кто-то здоровался, кто-то нет. Теперь любое движение казалось ей наполненным

смыслом. Посмотрели — знают. Не посмотрели — тоже знают. Улыбнулись — жалеют. Отвели взгляд — обсуждали.

Телефон снова завибрировал.

Кирилл.

Ты где? Почему не отвечаешь?

Через несколько секунд:

Я правда постараюсь приехать к Матвею. Только не обещай ему точно, ладно?

Алина смотрела на сообщение и вдруг поняла: он ещё не знает.

Не знает, что его ночная жизнь вышла на свет. Не знает, что его жена уже видела его руку на чужой талии. Не знает, что его аккуратная версия про «почти развод» вернулась к ней через школьный холл, через губы Полины Громовой, через липкое сочувствие женщин, которые сегодня вечером будут обсуждать всё это за ужином.

Он всё ещё жил в утре, где можно написать жене про доклад сына.

В мире, где ничего не случилось.

Алина набрала:

Приезжай.

Палец завис над отправкой.

Она стёрла.

Написала снова:

Матвей будет рад.

Стерла и это.

В конце концов она просто заблокировала экран.

Пока нет.

Пусть ещё несколько часов он поживёт в своей лжи один. Без её вопросов, без её крика, без возможности сразу начать оправдываться и превращать преступление в «сложную ситуацию».

Алина шагнула под дождь.

Он был мелкий, холодный, неприятный. Быстро оседал на волосах и пальто. Она не раскрыла зонт, хотя он лежал в сумке. Ей почему-то хотелось чувствовать воду на лице. Хотелось, чтобы хоть что-то было честным: дождь мочит, холод пробирает, предательство болит.

У калитки она остановилась и обернулась на школьные окна.

Где-то там Матвей сейчас доставал из рюкзака лист с докладом. Может быть, повторял про Сатурн: шестая планета от Солнца, вокруг неё кольца изо льда и камней.

Кольца из обломков.

Алина вдруг подумала, что это даже красиво. Страшно, но красиво. То, что издалека кажется украшением, вблизи оказывается пылью, льдом и разбитыми кусками чего-то большего.

Телефон завибрировал ещё раз.

На этот раз сообщение было от Светы:

Я еду к тебе. Не вздумай быть сильной без меня.

Алина закрыла глаза.

И впервые за утро у неё задрожали губы.

Не от слабости. Не от жалости к себе.

От понимания, что день только начался.

А её прежняя жизнь уже закончилась.

Глава 3. Муж, который вернулся домой

Кирилл вернулся в семь сорок.

Алина запомнила время не потому, что специально смотрела на часы. Просто в этот день всё запоминалось слишком отчётливо: трещинка на чашке, пятно от дождя на рукаве пальто, запах мокрой шерсти в лифте, недоеденная булочка Матвея в школьном пакете, три пропущенных звонка от Светы и одно сообщение от Кирилла:

Задержусь немного. Не начинайте ужин без меня.

«Не начинайте».

Как будто у них всё ещё было что начинать вместе.

Алина стояла у плиты и мешала гречку деревянной лопаткой. Гречка слипалась, хотя она точно помнила, что добавляла нужное количество воды. Впрочем, сегодня ей казалось, что даже крупа чувствует: в этом доме больше невозможно быть рассыпчатой.

Матвей сидел за столом и раскрашивал распечатку с Сатурном. Доклад он рассказал хорошо. Учительница даже написала в дневнике: «Молодец! Очень выразительно». Алина прочитала эту фразу в машине и почему-то чуть не расплакалась. Ребёнок был выразительным. Взрослые — лживыми. Мир держался на странных основаниях.

— Мам, а папа спросит про доклад? — спросил Матвей, не отрываясь от рисунка.

Алина повернула ручку плиты на минимум.

— Конечно спросит.

— Он же не пришёл.

— Он работал.

Матвей аккуратно закрасил кольца планеты жёлтым карандашом. Потом сказал:

— У всех почти были мамы. У Владика был папа. А у меня ты.

Он сказал это без обиды. Почти. Но в этом «у меня ты» было что-то такое, от чего Алине захотелось сесть прямо на кухонный пол.

— Я плохо справилась? — спросила она, пытаясь улыбнуться.

Матвей поднял глаза.

— Ты хлопала громче всех.

— Значит, справилась.

— Да.

Он снова наклонился над рисунком.

В замке повернулся ключ.

Алина не сразу пошевелилась. Деревянная лопатка замерла в её руке. Гречка тихо вздохнула у дна кастрюли.

Матвей оживился первым:

— Папа!

Он выскочил из кухни, тапочки зашлёпали по коридору. Алина услышала, как дверь открылась, как Кирилл поставил портфель на пол, как привычно выдохнул после рабочего дня.

— О, космонавт! — сказал он. — Ну что, покорил Сатурн?

Матвей что-то быстро заговорил про кольца, ледяные частицы и то, что Владик перепутал Юпитер с Ураном. Кирилл засмеялся.

Алина стояла у плиты и слушала этот смех.

Обычный. Домашний. Тот самый смех, который раньше успокаивал её: значит, он дома, значит, день закончился, значит, можно снять с лица рабочее выражение и стать просто собой.

Сегодня этот смех казался украденным.

Кирилл вошёл на кухню с Матвеем на плечах. У сына от восторга покраснели щёки.

— Осторожно, потолок, — автоматически сказала Алина.

— Командир, пригнись, — сказал Кирилл, и Матвей со смехом вжался ему в волосы.

Кирилл был в том самом тёмном пальто. Шарф уже снял, держал в руке. На щеке — лёгкая щетина, глаза усталые, но тёплые. На секунду Алина увидела не мужчину из видео, а мужа, который когда-то забирал её из роддома, трясущимися руками пристёгивал младенца в автолюльке и шептал: «Я боюсь его сломать».

Как можно было одному человеку быть и тем, и этим?

— Привет, — сказал Кирилл ей.

Он наклонился, чтобы поцеловать её в щёку.

Алина чуть отступила к плите. Движение получилось маленьким, почти незаметным. Но Кирилл заметил.

— Ты чего?

— Горячо, — сказала она, указывая на кастрюлю.

Он посмотрел на гречку, потом на неё. На лице мелькнуло лёгкое недоумение.

— Устала?

Алина чуть не рассмеялась.

Устала.

Какое маленькое слово для женщины, которая за день несколько раз умерла и ни разу не имела права лечь.

— Да, — ответила она. — День был длинный.

— У меня тоже. На объекте опять переделки. Представляешь, они решили перенести входную группу после согласования. Просто гении.

Он говорил, снимая с Матвея рюкзак, поправляя сыну волосы, открывая холодильник. Обычные движения. Обычные фразы. Обычный муж в обычной кухне.

Алина вдруг с ужасом поняла: если бы не видео, она бы сейчас, возможно, кивнула, спросила, что именно переделывают, поставила перед ним тарелку, напомнила про оплату кружка по робототехнике. Они бы прожили ещё один вечер. Потом ещё один. И, может быть, ещё месяцы.

А где-то в другой части его жизни была бы женщина в бежевом пальто, которой он улыбался так, будто у него всё ещё есть душа.

— Пап, смотри! — Матвей сунул ему под нос рисунок. — Это Сатурн. Я сделал кольца не серыми, а жёлтыми, потому что так красивее.

— Правильно, — сказал Кирилл. — Красота важнее точности.

Алина посмотрела на него.

Он не понял.

Конечно, не понял.

Они сели ужинать.

Матвей рассказывал про доклад, про то, как учительница сказала «отличная подготовка», про то, как Полина Громова-младшая принесла макет ракеты, который за неё явно делал папа. Кирилл слушал, кивал, иногда смеялся. Алина ела, не чувствуя вкуса.

В какой-то момент Кирилл посмотрел на её тарелку:

— Ты почти не ешь.

— Не хочу.

— Заболела?

— Возможно.

— Температура?

Она подняла на него глаза.

В них, должно быть, было что-то не то, потому что Кирилл замолчал.

— Что? — спросил он тише.

Матвей перестал жевать.

Алина первой отвела взгляд.

— Ничего. Ешьте.

Это «ничего» повисло над столом, как лампа с треснувшим стеклом.

После ужина Кирилл сам убрал тарелки. Редкий жест. Обычно он говорил: «Я сейчас, только отвечу на письмо» — и исчезал в телефоне. Сегодня, видимо, уловил напряжение и решил быть внимательным.

Поздно.

Алина смотрела, как он намыливает посуду, и думала: интересно, он мыл руки после того, как прикасался к ней? К той женщине. Или пришёл домой с её запахом на пальцах, трогал этими пальцами их сына, кружку, дверцу холодильника, её жизнь?

— Мам, почитаешь? — спросил Матвей из коридора.

— Сейчас.

Кирилл выключил воду.

— Я могу почитать.

Матвей радостно высунулся из-за двери:

— Правда?

Алина успела увидеть, как Кирилл улыбается сыну.

— Конечно. Только зубы чистить без переговоров.

— Пап!

— Закон космоса.

Матвей убежал в ванную.

Кирилл вытер руки полотенцем и подошёл к Алине.

— Ты странная весь вечер.

— Бывает.

— Алин.

Она ненавидела, когда он так произносил её имя. Мягко. Почти виновато. Как будто ещё до слов просил не устраивать скандал.

— Потом, — сказала она. — Уложи Матвея.

— Мы можем поговорить сейчас.

— Нет. Не можем.

Кирилл хотел что-то ответить, но из ванной донеслось:

— Пап, паста закончилась!

Он ушёл.

Алина осталась на кухне одна.

Она достала телефон и открыла видео.

Не включила. Просто смотрела на первый кадр: мокрый асфальт, вывеска отеля, тёмное пальто Кирилла. Ей хотелось найти в изображении что-то, что сделает происходящее менее реальным. Плохой ракурс. Монтаж. Похожий мужчина. Ошибка.

Но это был он.

Её муж.

Отец её ребёнка.

Человек, который сейчас в детской, возможно, читает Матвею книгу про пиратов и смешно меняет голоса.

Она услышала их через стену.

— А потом капитан сказал...

— Нет, пап, не так! У капитана голос ниже.

— Ах да. Капитан сказал: «На абордаж!»

Матвей рассмеялся.

Алина закрыла глаза.

Вот за это измена была особенно жестокой. Она не уничтожала человека целиком. Она оставляла ему куски прошлого, нежности, быта, детского смеха. И ты не мог просто вырвать предателя из жизни, потому что он оставался в каждой комнате, в каждой фотографии, в каждой привычке, в каждом «пап, почитай».

Через двадцать минут Кирилл вернулся.

Тихо прикрыл дверь детской, вошёл на кухню и остановился на пороге.

— Уснул.

Алина сидела за столом. Перед ней стояла кружка с остывшим чаем. Телефон лежал экраном вниз.

— Хорошо.

Кирилл сел напротив.

— Теперь скажешь, что происходит?

Она подняла на него глаза.

На кухне было тихо. Из окна виднелись мокрые огни соседнего корпуса. В чужих квартирах люди ужинали, смотрели сериалы, ругали детей за уроки, целовались, молчали. В одной из этих квартир, возможно, уже обсуждали Алину.

Она взяла телефон.

— Я весь день думала, как начну этот разговор.

Кирилл напрягся.

— Какой разговор?

— Сначала думала, что буду кричать. Потом — что спрошу спокойно. Потом решила, что вообще ничего не скажу. Просто положу вещи в пакет и выставлю тебя за дверь.

Он побледнел.

— Алина...

— Не перебивай.

Голос прозвучал так ровно, что он послушался.

Она включила видео и положила телефон на стол экраном к нему.

Одиннадцать секунд.

В кухне снова появилась ночь. Мокрый асфальт. Женский смех. Отель. Кирилл. Женщина. Рука на талии. Улыбка. Поцелуй.

Алина смотрела не на экран. На лицо мужа.

Сначала он не понял. Или сделал вид, что не понял. Его взгляд скользнул по изображению небрежно, как бывает, когда человек ещё надеется, что это не то, о чём он подумал. Потом он узнал себя. Губы чуть приоткрылись. Кожа вокруг рта стала серой.

Видео закончилось.

Телефон погас.

Никто не говорил.

Тишина была такой плотной, что Алина слышала, как гудит холодильник.

Кирилл медленно выдохнул.

— Где ты это взяла?

Она почти улыбнулась.

— Вот первый вопрос, который ты решил задать?

— Я не... Я просто...

— Не «прости». Не «я объясню». Не «Алина». А «где ты это взяла».

Он провёл рукой по лицу.

— Всё не так, как выглядит.

На этот раз она действительно улыбнулась. Коротко, без радости.

— Кирилл, это выглядит как ты, целующий женщину у отеля. Расскажи, какая именно часть не так.

Он опустил глаза.

— Ты не так поняла.

— Осторожнее. Это уже вторая фраза из учебника плохих мужей. Первая была про то, что всё не так, как выглядит.

— Не надо издеваться.

— Я пока даже не начала.

Он вздрогнул.

Алина удивилась самой себе. Она думала, что в этот момент будет трястись, плакать, срываться. Но внутри было холодно. Очень холодно. Как будто кто-то залил её сердце водой и выставил на мороз.

— Кто она?

Кирилл молчал.

— Имя.

— Алина, давай не так.

— Имя.

Он посмотрел на дверь коридора, за которой спал Матвей.

— Тише.

Вот теперь её ударило.

Тише.

Не потому что больно. Не потому что стыдно. Не потому что он разрушил то, что они строили десять лет.

Тише — чтобы ребёнок не услышал.

Ребёнок, которого он сегодня держал на плечах.

— Ты о тишине вспомнил сейчас? — спросила Алина. — Серьёзно?

— Я не хочу, чтобы Матвей...

— А чего ты хотел?

Кирилл закрыл рот.

— Когда клал руку ей на талию. Когда целовал её. Когда возвращался домой и спрашивал, что на ужин. Чего ты хотел, Кирилл?

Он вдруг резко встал, прошёл к окну, потом обратно. Ему стало тесно. Виноватым людям всегда становится тесно там, где раньше было удобно.

— Я запутался.

— Нет.

— Что нет?

— Ты не запутался. Запутаться — это когда вышел не на той станции. А ты жил. Понимал, куда идёшь. Врал. Возвращался. Снова шёл.

— Ты не знаешь всего.

— Так расскажи.

Он сел обратно. Плечи опустились. На секунду он стал похож на мальчика, которого поймали не за преступлением, а за слабостью.

— Её зовут Вера.

Имя упало между ними тихо. Почти красиво.

Вера.

Алина почему-то сразу представила не женщину из видео, а слово. Такое светлое, чистое, почти издевательское. Вера. То, чего теперь не осталось.

— Давно?

— Несколько месяцев.

— Сколько?

— Алин...

— Сколько?

— Я не считал.

Она кивнула.

— Конечно. Люди обычно не считают то, что хотят потом назвать случайностью.

Кирилл сжал руки.

— Это не было... Я не планировал. Мы познакомились случайно. Просто начали общаться. Мне было плохо.

— Тебе было плохо?

— Да.

— А мне было как, Кирилл?

Он посмотрел на неё с какой-то усталой обидой. И эта обида, его обида, стала почти невыносимой.

— Ты всегда всё держала под контролем, — сказал он. — Работу, дом, Матвея, меня. Ты даже боль держишь так, будто у неё дедлайн. Рядом с тобой невозможно быть слабым.

Алина молчала.

Вот он. Мостик. Аккуратно построенный от его вины к её характеру.

— Продолжай, — сказала она.

Он не слышал опасности.

— Я не оправдываюсь.

— Именно это ты сейчас делаешь.

— Я пытаюсь объяснить! Я давно чувствовал, что меня дома нет. Ты решала всё сама. Ты не спрашивала, как я. Только что нужно сделать, куда отвезти, что оплатить. Я стал для тебя функцией.

Алина медленно положила ладони на стол. Чтобы не встать. Чтобы не ударить. Чтобы не разбиться.

— И поэтому ты нашёл женщину, для которой стал человеком?

Он отвернулся.

Ответ был в этом движении.

— Ты хотя бы понимаешь, что сделал? — спросила она тихо.

Он помолчал.

— Я не хотел, чтобы так вышло.

Алина закрыла глаза.

— Когда ты врал, ты уставал? — спросила она. — Или со временем стало легче?

Кирилл не ответил.

За стеной что-то тихо скрипнуло. Оба замерли. Но это был просто дом: трубы, половицы, ночная жизнь квартиры.

Алина взяла телефон, открыла районный канал и показала ему комментарии.

— Это уже видели все.

Кирилл резко схватил телефон, начал листать. Его лицо менялось: страх, злость, унижение. Но Алина с большим удивлением заметила, что он испугался не за неё. Не за то, как она узнала. Не за то, что пережила утром в школе.

Он испугался, что его увидели.

— Кто это выложил? — выдохнул он.

— Опять неправильный вопрос.

— Алина, это может разрушить мне работу.

Она смотрела на него и вдруг поняла: что-то внутри действительно закончилось. Не любовь — любовь не умирает так быстро. Закончилась иллюзия, что в самом страшном месте он всё-таки первым подумает о ней.

— Тебе работу, — повторила она. — Мне жизнь. Но я понимаю, у каждого свои потери.

Он поднял на неё глаза.

— Прости.

Слово прозвучало поздно. Не потому что было ненужным. Потому что пришло после работы, после репутации, после «где ты это взяла».

Алина убрала телефон.

— Кто она?

— Я сказал. Вера.

— Фамилия.

Кирилл замер.

— Зачем тебе?

— Потому что я хочу знать, с кем мой муж обсуждал нашу «почти разрушенную» семью.

Он побледнел сильнее.

— Кто тебе сказал?

— Весь район, Кирилл. Ты же, оказывается, не очень скрывал.

— Я никому...

— Не ври сейчас. Хотя бы сейчас попробуй.

Он молчал долго.

Потом сказал:

— Ланская. Вера Ланская.

Алина не сразу поняла, почему фамилия показалась знакомой.

Ланская.

Где она видела это имя?

И вдруг вспомнила: школьный чат. Афиша осеннего праздника. «Фотосъёмка мероприятия — Вера Ланская». Потом ссылка на альбом. Снимки детей с бумажными листьями, родители на заднем плане, Матвей с кривой улыбкой у доски.

Алина почувствовала, как холод внутри сменяется чем-то тёмным и горячим.

— Фотограф?

Кирилл отвёл взгляд.

— Да.

— Она снимала праздник у Матвея?

Он не ответил.

Алина встала так резко, что стул скрипнул по плитке.

— Она была в школе моего сына?

— Алина...

— Она видела меня?

Кирилл молчал.

И это молчание оказалось ответом.

Алина вдруг увидела ту женщину иначе. Не силуэт у отеля. Не светлые волосы. Не бежевое пальто.

Женщина с фотоаппаратом. Женщина, которая стояла в школьном зале, ловила в объектив Матвея, Кирилла, возможно, её саму. Женщина, которая уже тогда знала. Или не знала? Нет. Это уже не имело значения. Она была рядом. Внутри их жизни. Улыбалась детям. Говорила: «Посмотрите сюда». Делала фотографии чужого семейного праздника, пока сама становилась частью чужого разрушения.

Алина посмотрела на дверь детской.

Там спал Матвей.

Маленький, доверчивый, с докладом про Сатурн в рюкзаке.

Она повернулась к Кириллу.

— Ты привёл её к нашему ребёнку.

— Я не приводил. Она работала на празднике.

— Ты привёл её в нашу жизнь.

Кирилл поднялся.

— Не начинай.

Алина тихо рассмеялась.

— Поздно. Всё уже началось.

Он шагнул к ней, но она отступила.

— Не трогай меня.

— Алина, пожалуйста.

— Сегодня ты спишь в гостиной.

— Давай не будем при Матвее...

— При Матвее ты сегодня был прекрасным отцом. Продолжай. Только ко мне больше не подходи.

Она вышла из кухни.

В коридоре было темно. Из детской через приоткрытую дверь падала узкая полоска света. Матвей всегда просил оставлять ночник: говорил, что так монстры видят, что тут уже занято.

Алина остановилась у двери и посмотрела на сына.

Он спал на боку, поджав ладонь под щеку. Рядом с подушкой лежал рисунок Сатурна. Кольца вокруг планеты получились яркими, почти золотыми.

Кольца из обломков.

Алина бесшумно прикрыла дверь.

На кухне Кирилл всё ещё стоял у стола. В его лице было столько растерянности, будто это не он годами выносил из дома правду маленькими порциями, а она сейчас внезапно разрушила их вечер.

Алина подумала: вот так, наверное, и рушатся семьи. Не от одного поцелуя. Не от одного видео. А от того, что в самый страшный момент один человек просит правды, а другой всё ещё пытается выбрать, какую её часть выгоднее показать.

Телефон Кирилла завибрировал на столе.

Он посмотрел на экран и слишком быстро перевернул его вниз.

Алина успела увидеть только одну букву имени.

В.

Вера.

Она больше ничего не сказала.

Просто пошла в спальню и закрыла за собой дверь.

Не хлопнула.

Хлопок был бы слишком живым.

Глава 4. Женщина с чужих фотографий

Алина не спала.

Она лежала на своей половине кровати, хотя слово «своей» вдруг стало странным. До вчерашнего вечера у кровати не было половин. Была их кровать. Их простыня, которую Кирилл всегда стягивал на себя. Их подушка между ними по утрам, когда Матвей в выходные прибегал досыпать. Их привычка молчать перед сном, каждый в своём телефоне, но всё равно рядом.

Теперь рядом было пусто.

Не просто физически — Кирилл спал в гостиной, и через закрытую дверь иногда доносилось, как он ворочается на диване. Пустота была другой. Как будто кто-то вынул из комнаты смысл, но оставил мебель на прежних местах.

Алина смотрела в потолок до четырёх утра. Потом встала, пошла на кухню, поставила чайник и так и не включила его. Села за стол, где несколько часов назад лежал телефон с видео, и долго рассматривала царапину на деревянной поверхности.

Эту царапину оставил Матвей в пять лет, когда пытался «починить» стол игрушечной отвёрткой. Кирилл тогда смеялся, подхватил сына на руки и сказал:

— Ничего, командир. Настоящий дом без шрамов не бывает.

Алина закрыла глаза.

Настоящий дом.

Кирилл тогда умел говорить так, что ей хотелось верить даже в повреждения.

В шесть утра он вышел из гостиной.

Она услышала шаги, но не обернулась. Кирилл остановился в дверях кухни. На нём была вчерашняя футболка, волосы взъерошены, лицо серое. Ночь тоже не была к нему милосердна. Хорошо. В Алине шевельнулось злое, почти постыдное удовлетворение.

— Ты не спала? — спросил он.

Она смотрела в окно. Во дворе дворник лениво толкал мокрые листья к бордюру. Город начинал новый день так, будто вчера ничего не произошло.

— Нет.

— Алина...

— Не сейчас.

— Нам нужно поговорить.

Она медленно повернула голову.

— Вчера тебе тоже было нужно говорить. Но ты выбрал молчать несколько месяцев.

Он вздрогнул.

— Я отвезу Матвея в школу.

— Нет.

— Я его отец.

— Сегодня нет.

Кирилл побледнел. В этой фразе было жестоко больше, чем она планировала. Но обратно не взяла.

— Ты не можешь вот так.

— Могу. Сегодня могу.

— Ты хочешь наказать меня через сына?

Алина встала. Стул отъехал по плитке с сухим неприятным звуком.

— Не произноси это так, будто я первая втянула ребёнка в твою ложь.

Кирилл хотел ответить, но в коридоре скрипнула дверь детской.

Они оба замолчали.

Матвей вышел сонный, в пижаме с ракетами. Постоял в коридоре, глядя то на мать, то на отца. Дети не всегда понимают слова, но они безошибочно слышат воздух после ссоры.

— Вы ругались? — спросил он.

Алина первой улыбнулась. Улыбка получилась осторожная, как тонкий лёд.

— Нет. Просто рано встали.

— Оба?

Кирилл попытался улыбнуться тоже.

— Космонавты всегда рано встают.

Матвей не улыбнулся в ответ.

— Я не космонавт сегодня. Я устал.

Алина подошла к нему, присела рядом и поправила ворот пижамы.

— Тогда сегодня будешь просто Матвеем.

— А это можно?

— Нужно.

Он прижался к ней на секунду, ещё тёплый после сна, пахнувший детским шампунем и подушкой. Алина закрыла глаза. Вот настоящая жизнь. Вот единственное, что нельзя было отдавать чужим рукам, чужим комментариям, чужим оправданиям.

Кирилл стоял в дверях кухни и смотрел на них так, будто уже оказался снаружи.

После завтрака, во время которого никто почти не говорил, Алина сама отвела Матвея в школу. Кирилл не спорил. Только стоял в прихожей, когда они уходили, и держал в руке ключи, словно надеялся, что она передумает.

— Я заеду вечером, — сказал он.

— Ты здесь живёшь, — напомнила она.

— Я имел в виду... домой.

Алина посмотрела на него.

— Интересно, что ты теперь называешь домом.

Матвей уже стоял у лифта, и она вышла, не дожидаясь ответа.

В школе всё было хуже и легче одновременно. Хуже — потому что взгляды никуда не исчезли. Легче — потому что после вчерашнего Алина уже знала их форму: липкое сочувствие, притворная занятость, внезапные паузы. Она довела Матвея до класса, поцеловала в макушку, хотя кто-то смотрел, и вышла быстро, не давая Полине Громовой перехватить себя у лестницы.

Дома было тихо.

Кирилла не было. Он всё-таки ушёл — то ли на работу, то ли куда-то ещё. На кухонном столе лежала записка:

Я не знаю, как всё исправить. Но хочу. К.

Алина долго смотрела на эту букву.

К.

Не «Кирилл». Просто К. Как отметка на коробке при переезде. Как первая буква слова, которое теперь никак не складывалось: катастрофа, конец, кража.

Она смяла записку и бросила в мусор. Через минуту достала, разгладила и положила обратно на стол.

Слишком много лет нельзя было выбросить одним движением.

Потом Алина открыла ноутбук.

Она не сразу ввела имя. Сначала просто сидела перед поисковой строкой. Ей казалось, что пока она не нажала клавиши, Вера всё ещё остаётся женщиной из видео. Силуэтом. Бежевым пальто. Чужой талией под рукой её мужа.

Имя делало её настоящей.

Вера Ланская.

Поисковик выдал профиль сразу.

Фотография: женщина у окна, камера в руках, светлые волосы собраны низко, лицо спокойное, мягкое. Без яркой помады, без вызывающей красоты, без той агрессивной уверенности, которую Алина почему-то ожидала увидеть. Вера смотрела не в объектив, а чуть в сторону, будто ей было неловко занимать место в собственном кадре.

Алину это разозлило.

Было бы легче, если бы она оказалась вызывающей. Громкой. Пошлой. Слишком молодой. Слишком откровенной. Тогда можно было бы ненавидеть без помех.

Но Вера выглядела как женщина, которой доверяют держать младенца.

Алина открыла фотографии.

Сначала — чужие беременности. Женщины в светлых платьях держали ладони на животах. Мужчины целовали их в виски. Дети обнимали матерей за колени. Подписи были мягкими, почти болезненно бережными:

«Семья — это место, где тебя ждут настоящим».

Алина почувствовала, как в горле поднимается тошнота.

Настоящим.

Она листала дальше. Новорождённые. Домашние съёмки. Годовщины. Пары на кухнях, в спальнях, у окон. Чужие руки, чужие улыбки, чужие доказательства любви.

Вера снимала счастье.

И, возможно, именно поэтому так легко вошла в чужое несчастье: она знала, с какой стороны встать, чтобы трещины не попали в кадр.

Потом Алина увидела альбом:

Осенний праздник. 2 «Б».

Пальцы сами перестали слушаться.

Она открыла.

Первым был общий снимок класса. Дети с бумажными листьями, учительница в зелёном платье, родители на заднем плане. Матвей стоял во втором ряду и улыбался слишком широко, как всегда, когда его фотографировали. У него не хватало одного молочного зуба, и он стеснялся этого, но на фото не удержался.

Алина провела пальцем по экрану.

— Мой мальчик, — прошептала она.

Следующий снимок: Матвей рассказывает стих. Следующий: Кирилл стоит у стены, сложив руки на груди. Улыбается. Не в камеру — кому-то рядом с камерой.

Алина увеличила изображение.

Эта улыбка.

Она уже видела её вчера на видео у отеля.

Она листнула дальше. На одном из снимков была она сама: сидит на маленьком школьном стуле, поправляет Матвею воротник. Лицо уставшее, но нежное. Она не знала, что её снимают. Не позировала. Не держала лицо. Просто была матерью.

И где-то перед ней стояла Вера.

Смотрела через объектив.

У Алины задрожали руки.

Вера видела её. Не картинку из рассказов Кирилла. Не «холодную жену», не женщину, от которой он якобы давно ушёл внутренне. Настоящую Алину: уставшую, живую, склонённую к ребёнку, с пальцами у его воротника.

И после этого всё равно вошла дальше.

А может, уже вошла до этого?

От этой мысли стало темно в глазах.

Звонок в дверь раздался резко, почти грубо.

Алина вздрогнула так, что чуть не уронила ноутбук.

На пороге стояла Света Морозова с двумя стаканами кофе, пакетом из пекарни и лицом человека, который приехал тушить пожар бензином.

— Так, — сказала она вместо приветствия. — Плакать будешь потом. Сейчас будем уничтожать.

Алина отошла, пропуская её в квартиру.

— Я не звала.

— Поэтому я и приехала. Когда зовут — обычно уже поздно.

Света прошла на кухню, поставила кофе на стол, огляделась и сразу заметила записку Кирилла.

— Это от него?

Алина молча убрала записку в ящик.

— Ясно. Романтика покойника.

— Свет.

— Что? Он морально умер, я констатирую.

Света была яркая даже утром: красная помада, крупные серьги, волосы идеально уложены. От неё пахло духами, кофе и войной. Такие женщины врываются в чужую беду с рукавами, закатанными до локтей, и искренне считают, что спасение начинается с атаки.

Она села рядом с ноутбуком, увидела открытый профиль Веры и присвистнула.

— Это она?

— Да.

— Мягкая какая. Ненавижу мягких любовниц. Их потом все жалеют.

Алина медленно закрыла глаза.

— Она снимала праздник Матвея.

Света, которая уже хотела откусить круассан, замерла.

— Что?

— Она была в школе. Фотографировала детей. Меня. Кирилла. Матвея.

Света аккуратно положила круассан обратно в пакет. В её лице впервые за утро исчезла бравада.

— Вот тварь.

— Я не знаю, знала ли она тогда.

— Неважно.

— Важно.

— Алин, нет. Есть границы. Школа твоего ребёнка — это граница. Дом — граница. Семья — граница. Они их перешли.

Алина смотрела на экран.

На фотографии Вера поймала момент, когда Матвей, смеясь, тянулся к Кириллу. Кадр был хороший. Очень хороший. Любовь на нём была настоящая.

И от этого хотелось разбить ноутбук.

— Она талантливая, — сказала Алина глухо.

— Ты сейчас серьёзно?

— Да.

— Это травма говорит. Выплюнь.

Алина вдруг рассмеялась. Тихо, коротко, почти беззвучно.

Света посмотрела на неё испуганно:

— Ты чего?

— Ничего. Просто пытаюсь понять, как это устроено. Женщина красиво снимает моего сына. Потом мой муж красиво целует её у отеля. А я сижу и думаю, что у неё хороший свет на фотографиях.

Света встала, обошла стол и обняла Алину за плечи.

— Солнышко моё...

— Не надо.

— Надо.

— Свет, если ты сейчас начнёшь меня жалеть, я развалюсь.

— А может, пора?

Алина покачала головой.

— Нет. Не сейчас. У меня Матвей в школе, работа, Кирилл в непонятном состоянии и весь район в зрительном зале. Я не могу развалиться по расписанию.

Света села обратно, но руку с её плеча не убрала.

— Тогда слушай. Мы делаем так. Сохраняем все посты. Все комментарии. Скрины. Видео. Имя этой Веры. Всё. Потом пишем нормальный текст. Без истерики. Достоинно. Но так, чтобы у него репутация осыпалась вместе с зубами.

— Нет.

— Что нет?

— Никакого поста.

Света уставилась на неё.

— Ты шутишь?

— Нет.

— Они тебя раздели перед всем районом.

— Я знаю.

— И ты будешь молчать?

— Пока да.

— Почему?

Алина посмотрела на фотографию Матвея.

— Потому что у меня есть сын. И я не хочу, чтобы его детство стало комментарием под моей местью.

Света резко откинулась на спинку стула.

— Ты всегда такая правильная, что хочется тебя встряхнуть.

— Встряхни Кирилла.

— Его я бы придушила. Но тебя надо спасать.

— Спасай без публикаций.

Света молчала несколько секунд. Потом взяла телефон.

— Тогда хотя бы напиши ей.

— Кому?

— Этой святой фотографиине.

— Нет.

— Почему?

Алина сама не знала почему. Потому что боялась? Потому что хотела? Потому что любое сообщение Вере делало её не просто объектом боли, а участницей разговора, к которому она не была готова?

Она снова открыла профиль.

В последней публикации Вера сидела у окна с камерой на коленях. Подпись:

«Иногда самый честный кадр — тот, где человек не знает, что на него смотрят».

Алина почувствовала, как кровь отливает от лица.

Как будто Вера написала это лично ей.

Она прокрутила ниже. Ещё снимок. Домашняя съёмка: подоконник, чашка, книга, мужской шарф, небрежно брошенный на спинку кресла. Лиц в кадре не было. Только свет, ткань, тишина.

Но шарф Алина узнала сразу.

Тёмно-серый, с тонкой синей полосой у края.

Она покупала его Кириллу на годовщину. Долго выбирала. Ей тогда казалось, что он не заметил, как тщательно она искала именно его оттенок синего — под его глаза, которые зимой становились почти стальными.

Кирилл носил этот шарф редко. Говорил, что слишком хороший, жалко.

Жалко.

Алина увеличила фотографию. Пальцы уже не дрожали. Они стали ледяными.

Света наклонилась ближе.

— Что?

— Это его шарф.

— Ты уверена?

Алина посмотрела на неё.

— Я покупала его.

Света выругалась тихо и грязно.

Алина продолжала смотреть на фотографию.

До этого момента Вера была женщиной у отеля, женщиной в школе, женщиной с камерой. Теперь она стала женщиной, в чьём пространстве лежали вещи Кирилла. Не случайно забытый чек. Не чужой запах на воротнике. Вещь. Домашняя, тёплая, почти интимная.

Шарф, который должен был висеть в их прихожей.

Часть её выбора. Её подарка. Её любви.

В чужом кадре.

Алина закрыла ноутбук.

Света осторожно спросила:

— Что ты будешь делать?

Алина долго молчала.

За стеной кто-то смеялся. В соседней квартире шла жизнь, не знающая, что за тонкой перегородкой женщина сидит за кухонным столом и впервые понимает: измена — это не когда муж поцеловал другую. Это когда твои вещи, твои слова, твои годы начинают появляться в чужой жизни как декорации.

— Пока ничего, — сказала она.

— Алин...

— Я сказала — пока.

Она встала, подошла к окну.

Внизу по двору шла женщина с детской коляской. Мужчина держал над ней зонт. Они двигались медленно, почти синхронно, как люди, которым не нужно доказывать прохожим, что они вместе.

Алина подумала, что ещё вчера могла бы позавидовать такой простой сцене.

Сегодня она уже никому не верила на расстоянии.

На столе снова завибрировал телефон.

Света посмотрела на экран первой.

— Кирилл.

Алина не обернулась.

— Не бери.

Телефон замолчал. Через секунду пришло сообщение.

Света прочитала вслух, не спрашивая разрешения:

— «Нам надо договориться, что говорить людям. И Матвею».

Алина закрыла глаза.

Договориться.

Вот чего он хотел теперь. Не правды. Не покаяния. Не боли, которую нужно выдержать рядом.

Версию.

Удобную, аккуратную, пригодную для людей.

Она подошла к столу, взяла телефон и впервые за утро написала ему ответ:

С людьми договаривайся сам. Матвею мы будем говорить правду. Насколько он сможет её вынести.

Она отправила сообщение и почувствовала странное спокойствие.

Не облегчение. Нет.

Скорее, первую тонкую нитку внутри, которая натянулась там, где вчера всё оборвалось.

Света смотрела на неё внимательно.

— Ты сейчас очень страшная.

— Хорошо.

— Для кого?

Алина снова открыла ноутбук.

На экране появился профиль Веры Ланской. Мягкий свет. Чужие семьи. Чужое счастье. Чужой шарф.

— Пока не знаю, — сказала Алина. — Но я хочу узнать о ней всё.

И нажала на первую фотографию.

Глава 5. Первая ложь

К вечеру квартира стала слишком маленькой.

Не по метрам — их было достаточно: спальня, детская, кухня-гостиная, два санузла, лоджия, где Кирилл когда-то мечтал поставить кресло и читать по воскресеньям. Места хватало для мебели, игрушек Матвея, коробок с зимней обувью, запасов круп, старых фотографий и даже для молчания.

Но для правды места не осталось.

Она стояла везде. У кухонного стола. У двери в спальню. Между чашками. На спинке стула, где раньше висел шарф Кирилла — тот самый, серый, с тонкой синей полосой, теперь найденный Алиной на фотографии Веры.

Алина весь день то открывала ноутбук, то закрывала. Профиль Веры Ланской будто светился даже сквозь чёрный экран. Семейный фотограф. Мягкий свет. Чужие дети. Чужие жёны. Чужие мужья, которые на снимках обнимали своих женщин так, будто никогда не ввали им по дороге домой.

Света уехала ближе к пяти, оставив после себя запах кофе, недоеденный круассан и тревожную фразу:

— Только не дай ему сделать из тебя виноватую. Они это умеют. Сначала изменяют, потом расскажут, как им было одиноко рядом с твоей кастрюлей борща.

Алина тогда почти усмехнулась. Борща в доме не было давно. Были гречка, макароны, куриные котлеты для Матвея и контейнеры с едой, которую она готовила в воскресенье на три дня вперёд, чтобы не сойти с ума среди работы, школы, кружков, счетов и вечного «мам, а где мои носки».

Но Света была права в главном: Кирилл уже начал.

Он начал не с оправданий даже. С поиска места, куда можно переложить часть тяжести. На неё. На брак. На усталость. На годы, где они оба молчали, но только он почему-то решил, что молчание даёт право на чужие губы.

В половине седьмого Алина забрала Матвея с робототехники. Он был возбуждённый, пах пластиком, клеем и школьной столовой, рассказывал про моторчик, который «почти заработал, но потом задымился не сильно». Она слушала, кивала, улыбалась в нужных местах.

У подъезда Матвей вдруг спросил:

— А папа сегодня будет дома?

Алина замедлила шаг.

— Думаю, да.

— А он опять будет спать на диване?

Вопрос был произнесён без обвинения, но ударил сильнее любого крика.

Алина остановилась перед стеклянной дверью подъезда. В отражении она увидела себя и сына: женщина в тёмном пальто, мальчик с рюкзаком, мокрый двор за спиной. Снаружи — обычная семья. Только внутри этой картинке уже не было семьи, а была попытка удержать её форму, чтобы ребёнок не порезался об края.

— Пока да, — сказала она.

— Почему?

Она присела перед ним, прямо на холодную плитку у входа. Мимо прошла соседка с пакетом из супермаркета, посмотрела на них, отвела взгляд. Алина сделала вид, что не замечала.

— Мы с папой поссорились.

Матвей нахмурился.

— Из-за меня?

— Нет.

— Точно?

— Точно.

Он смотрел недоверчиво. Дети всегда оставляют себе щель для вины, даже когда взрослые запирают дверь.

— Ты не виноват ни в чём, — сказала Алина твёрже. — Слышишь?

Матвей кивнул, но по глазам было видно: услышал, не поверил.

Дома Кирилл уже был.

Его пальто висело в прихожей, ботинки стояли аккуратно у стены, портфель — на банкетке. Он всегда разбрасывал вещи, когда приходил расслабленным. Сегодня всё лежало слишком правильно. Как в квартире, где ждут обыска.

Из кухни пахло жареным луком.

Алина остановилась.

Кирилл готовил.

Это было так не вовремя, что захотелось смеяться. Или кричать. Он резал овощи, стоял у плиты, делал вид, что ещё можно вернуться в какой-то безопасный бытовой язык: ужин, тарелки, «помой руки», «Матвей, не тащи конструктор на стол».

— Привет, командир, — сказал Кирилл сыну. — Как мотор?

— Почти взорвался.

— Значит, наука была настоящей.

Матвей улыбнулся, но осторожно. Потом посмотрел на Алину, будто спрашивая разрешения радоваться отцу.

Это было невыносимо.

— Иди мой руки, — сказала она мягко.

Когда сын ушёл в ванную, Алина вошла на кухню.

Кирилл стоял спиной. Белая футболка, домашние штаны, лопатка в руке. На секунду она увидела то, что могла бы быть их жизнью, если бы вчерашнего видео не существовало. Муж готовит ужин. Жена приходит с ребёнком. Вечер. Свет над столом. Мокрые окна. Простая, обычная, почти счастливая сцена.

Только теперь эта сцена казалась декорацией, которую кто-то поставил поверх обломков.

— Ты решил приготовить ужин? — спросила она.

Кирилл не обернулся сразу.

— Подумал, ты устала.

— Вчера ты тоже так думал?

Он выключил плиту.

— Алина.

— Что?

— Не надо так при Матвее.

— При Матвее я молчу. Именно это меня и пугает.

Он повернулся. Лицо у него было уставшее, но собранное. Он явно готовился. Репетировал. Возможно, по дороге домой, в машине. Возможно, в лифте. Возможно, всё то время, пока она смотрела на шарф в чужом кадре.

— Я хочу поговорить нормально, — сказал Кирилл.

— Нормально уже не получится.

— Тогда честно.

Алина посмотрела на него.

— Начни.

Он сглотнул.

— После ужина.

Она чуть усмехнулась.

— Конечно. Сначала семейные котлеты, потом семейная катастрофа.

— Я не пытаюсь сделать вид, что ничего не случилось.

— Ты готовишь рагу.

— Я не знаю, что ещё делать!

Он сказал это громче, чем хотел. Из ванной тут же донеслось:

— Мам?

Алина закрыла глаза.

— Всё нормально. Мой руки.

Кирилл провёл ладонью по лицу.

— Прости.

— Кому из нас?

Он не ответил.

Ужин прошёл мучительно.

Матвей старался говорить больше обычного. Рассказывал про робота, который «если доделать, сможет возить печенье», про одноклассника Глеба, который сказал, что инженеры богаче космонавтов, про то, что в пятницу можно принести поделку. Кирилл слушал внимательно. Даже слишком внимательно. Алина видела, как он цепляется за каждую детскую фразу, как за возможность ещё немного побыть хорошим.

После ужина Матвей спросил:

— А можно папа сегодня почитает?

Алина замерла.

Кирилл тоже.

— Конечно, — сказала она.

Потому что нельзя было наказывать ребёнка отсутствием отца за грехи мужа. Она повторяла это себе, пока убирала со стола. Нельзя. Нельзя. Нельзя. Даже если очень хочется сделать больно тому, кто сделал больно тебе.

В девять двадцать Матвей уснул.

Кирилл вышел из детской тише обычного и прикрыл дверь. Алина ждала его на кухне. Перед ней лежал ноутбук, открытый на фотографии Веры. Не профиль, не лицо. Только тот снимок с подоконником, книгой и шарфом.

Кирилл вошёл и сразу увидел.

Его лицо изменилось так быстро, что Алина поняла: он узнал кадр.

— Это не то, что ты думаешь, — сказал он.

Она даже не улыбнулась.

— Кирилл, у тебя закончились новые фразы?

Он сел напротив. Медленно. Осторожно, будто стул мог провалиться.

— Я был у неё.

Слова прозвучали тихо.

Алина ждала, что ей станет хуже. Но хуже уже было. Теперь боль просто меняла форму: из острой становилась глубокой, тяжёлой, почти неподвижной.

— Когда?

— Несколько раз.

— После работы?

Он кивнул.

— Когда я звонила и спрашивала, купишь ли ты молоко?

Он закрыл глаза.

— Да.

— Когда Матвей ждал тебя на тренировке?

— Алина...

— Я спрашиваю.

— Да. Один раз.

Она кивнула. Очень спокойно.

— Хорошо.

— Ничего хорошего.

— Нет, хорошо. У фактов хотя бы есть края. Их можно держать. Ложь — скользкая.

Кирилл смотрел на свои руки.

— Я не хотел этого.

— Не хотел чего? Её? Меня обмануть? Попасться?

Он поднял глаза.

— Я не хотел разрушать семью.

Алина почувствовала, как внутри вспыхнула злость.

— Каким интересным способом ты её сохранял.

— Я знаю, как это звучит.

— Нет. Не знаешь. Потому что если бы знал, молчал бы.

Он откинулся на спинку стула.

— Ты хочешь, чтобы я просто сказал: я сволочь, ты святая, всё просто?

— Нет. Я хочу, чтобы ты не прятал измену в сложность.

Кирилл вдруг посмотрел на неё почти с отчаянием.

— Но это было сложно!

Она замолчала.

Он вцепился в это молчание, как в разрешение.

— Ты думаешь, я проснулся однажды и решил: пойду разрушу всё? Нет. Это копилось. Годами. Я приходил домой и чувствовал, что меня здесь нет. Ты всё знала лучше. Что нужно Матвею, что нужно купить, куда ехать, сколько платить, когда мне к врачу, когда к твоей маме, когда к моей. Ты не спрашивала, хочу ли я. Ты ставила меня в расписание.

Алина слушала.

С каждой его фразой ей становилось не больше — яснее.

— Я пытался говорить, — продолжил он. — Но ты всегда была уставшая. Всегда на телефоне. Всегда в делах. Если я начинал, ты говорила: «Кирилл, давай потом». А потом не наступало.

Она медленно провела пальцем по краю чашки.

— И тогда наступила Вера.

Он вздрогнул от имени.

— Она меня слушала.

Вот оно.

Та самая простая, почти жалкая фраза, ради которой рушат браки: «она меня слушала».

Алина посмотрела на него внимательно. Впервые за эти дни не как жена на изменника, а как человек на человека, который настолько долго копил свою обиду, что решил сделать из неё право.

— А ты меня слушал? — спросила она.

Кирилл молчал.

— Когда я говорила, что не вывожу? Когда просила заехать за Матвеем, потому что у меня совещание? Когда плакала в ванной после разговора с твоей матерью? Когда говорила, что мне страшно, потому что я перестала чувствовать себя женщиной? Ты слушал?

Он потер переносицу.

— Ты не говорила так.

— Говорила. Просто без красивого света и чужой камеры.

Он вздрогнул. Попала.

Алина наклонилась чуть ближе.

— Ты не искал женщину, которая тебя слушает, Кирилл. Ты искал женщину, перед которой не нужно было отвечать за грязную посуду, ипотеку, больного ребёнка, мою усталость и собственные обещания.

— Это несправедливо.

— Возможно. У меня сегодня второй день несправедливости. Привыкай.

Он вдруг резко выдохнул и сказал:

— Ты даже не заметила, как я исчезал.

Фраза повисла между ними.

Алина застыла.

Вот теперь стало больно по-настоящему.

Не потому что он сказал неправду. В этой фразе была часть правды. Маленькая, колючая, стыдная. Она действительно не всегда замечала. Не потому что не любила. Потому что жизнь давно превратилась в список задач, где нежность оказывалась между оплатой продлёнки и записью к стоматологу.

Но он произнёс это не как признание общей беды.

Он произнёс это как обвинение.

И в этот момент Алина поняла, что предательство иногда начинается не с чужой женщины. А с фразы, в которой твою боль используют как алиби.

— Может быть, — сказала она тихо.

Кирилл поднял голову, будто не ожидал.

— Что?

— Может быть, я действительно не заметила, как ты исчезал.

На его лице мелькнула надежда. Глупая, преждевременная.

Алина продолжила:

— Но ты заметил. И вместо того чтобы сказать: «Алина, я исчезаю», ты нашёл место, где тебя будут искать без меня.

Надежда погасла.

— Я виноват, — сказал он после паузы.

— Да.

— Но ты тоже...

— Нет.

Он замолчал.

Алина впервые за вечер повысила голос — не сильно, но достаточно, чтобы слово ударило.

— Не сейчас. Не этой фразой. Не в этой кухне. Не после видео, не после шарфа в её квартире, не после того, как ты рассказывал людям, что мы почти развелись.

Кирилл побледнел.

— Я не рассказывал людям.

— Полина сказала обратное.

— Полина? Господи, да она выдернула...

— То есть рассказывал.

Он отвернулся.

— Я сказал однажды, что у нас сложный период.

— А она почему-то поняла, что я уже почти бывшая жена.

— Я не отвечаю за чужие фантазии.

— Зато прекрасно отвечаешь за свои. В твоей фантазии я была холодной, брак мёртвым, ты свободным, а Вера — спасением.

Кирилл встал и прошёлся по кухне.

— Ты хочешь, чтобы я ушёл?

Алина не ответила сразу.

Этот вопрос должен был прозвучать страшно. Но он прозвучал почти бытово. Как «выкинуть мусор?» или «закрыть окно?».

Хотела ли она?

Да. Нет. Не знала. Хотела, чтобы он исчез из кухни. Хотела, чтобы он остался и объяснил так, чтобы стало не больно. Хотела вернуть вчерашнее утро, где самым страшным было пятно от какао на рубашке Матвея. Хотела ударить его. Хотела, чтобы он обнял её. Ненавидела себя за последнее.

— Сегодня ты спишь в гостиной, — сказала она. — Завтра решим.

— Матвей спросит.

— Он уже спросил.

Кирилл закрыл глаза.

— Что ты сказала?

— Что мы поссорились.

— Алина...

— Я не сказала ему про Веру, если ты об этом.

Он вздрогнул.

И этого вздрагивания хватило.

Слишком быстро. Слишком резко.

Алина прищурилась.

— Что?

— Ничего.

— Нет. Что?

— Просто... я не хочу, чтобы он узнал вот так.

— Вот так — это как? От меня? Или вообще?

Кирилл молчал.

Алина смотрела на него и впервые за вечер почувствовала не боль, а настороженность. Под всем сказанным лежало ещё что-то. Не просто измена. Не просто Вера. Не просто районный канал и шарф.

Что-то, чего он боялся больше.

— Кирилл.

— Я устал, — сказал он. — Я правда не могу сейчас.

Он вышел из кухни, не дожидаясь её ответа.

Алина осталась сидеть перед ноутбуком. На экране всё ещё был шарф на чужом подоконнике. Она закрыла фотографию. Потом профиль Веры. Потом ноутбук.

В квартире стало тихо.

Слишком тихо.

Она пошла к Матвею. Постояла у двери детской, прислушиваясь к его ровному дыханию. Потом прошла в спальню, закрылась, но не легла. Села на край кровати, сняла кольцо, подержала его на ладони.

Обручальное кольцо оказалось неожиданно тяжёлым.

Она почти положила его на тумбочку, но в последний момент снова надела. Не из любви. Не из надежды.

Из невозможности пока понять, кем она станет без него.

Ночью её разбудил шёпот.

Сначала Алина подумала, что ей снится. Потом услышала снова — приглушённый голос Кирилла из гостиной.

Она встала. Босые ноги коснулись холодного пола. Дверь спальни открылась без звука. В коридоре было темно. Только из гостиной полосой падал синеватый свет телефона.

Кирилл говорил тихо, почти одними губами:

— Нет. Она не знает всего.

Пауза.

Алина замерла.

— И не должна, — сказал он. — По крайней мере сейчас.

Она стояла в темноте, держась рукой за стену.

Сердце билось так громко, что казалось, он услышит.

Кирилл снова заговорил:

— Я сказал, что разберусь. Нет, Вера. Не звони ей. Слышишь? Не вздумай.

Алина закрыла глаза.

Имя прозвучало как щелчок замка.

Не знает всего.

В груди, там, где весь день жила боль, медленно поднялось другое чувство.

Страх.

Потому что измена уже случилась. Видео уже было. Вера уже имела имя, лицо, профиль, квартиру, в которой лежал шарф Кирилла.

Но теперь Алина поняла: это была не вся правда.

Это была только первая ложь.

Глава 6. Старый телефон

Утром Кирилл ушёл раньше обычного.

Не хлопнул дверь, не шумел ключами, не включал на телефоне новости, как делал всегда, будто чужие катастрофы помогали ему не слышать собственную. Он двигался по квартире осторожно, почти виновато: прошёл в ванную, умылся, долго стоял перед зеркалом, потом тихо собрался в прихожей.

Алина не спала.

Она лежала на боку, лицом к стене, и слушала, как муж покидает их дом. Сначала — щелчок шкафа. Потом — мягкий звук молнии на куртке. Потом — пауза у двери детской.

Он остановился там.

Алина это знала, не видя.

Кирилл всегда задерживался у комнаты Матвея, когда уходил рано. Иногда заглядывал, иногда просто стоял. Раньше это казалось ей трогательным. Сегодня — нечестным. Любовь к ребёнку не отменяла того, что этот же человек ночью шептал другой женщине: «Она не знает всего. И не должна».

Не знает чего?

Эта фраза всю ночь ходила по комнате, как кто-то чужой. Садилась на край кровати. Наклонялась к Алине. Дышала ей в лицо.

Дверь квартиры закрылась тихо.

Через несколько секунд телефон Алины завибрировал.

Я на работу. Матвея отвезёшь ты? Вечером поговорим. Пожалуйста, не делай резких движений.

Она смотрела на сообщение долго.

Не делай резких движений.

Как будто она стояла на краю крыши. Как будто опасность исходила от неё. Как будто не он уже сделал всё резкое: повернулся к другой женщине, наклонился, поцеловал, вернулся домой, сел за их стол, стал рассказывать про сложность и одиночество.

Алина ничего не ответила.

Матвей проснулся в семь десять. Вышел из комнаты с помятым лицом и своим плюшевым динозавром под мышкой, хотя давно уверял всех, что игрушки — «для маленьких».

— Папа ушёл? — спросил он.

— Да.

— На работу?

— Да.

Матвей посмотрел на неё внимательно.

— А он вечером придёт?

Алина на секунду замолчала.

— Не знаю.

Сын кивнул. Слишком спокойно. Дети быстро учатся узнавать, какие вопросы ранят взрослых, и начинают задавать их осторожнее. От этого становилось ещё больнее.

Утро прошло без пятен, без крика, без опоздания. Матвей ел кашу, Алина подписывала ему тетрадь, проверяла сменку, отвечала на два рабочих сообщения. Всё было почти нормально. Именно это «почти» теперь стало главным словом их дома.

В школе она не задержалась. Не дала Полине Громовой ни одного шанса подойти. Довела Матвея до класса, поцеловала в висок и сказала:

— Я заберу тебя после продлёнки.

— Мам?

— Да?

Он мял лямку рюкзака.

— А если папа вечером придёт, вы опять будете говорить тихо?

Алина присела перед ним.

— Мы постараемся говорить так, чтобы тебе не было страшно.

— Вы вчера тоже старались?

Она не нашла ответа.

Матвей сам кивнул, будто всё понял, и ушёл в класс.

Домой Алина возвращалась через двор медленно. Дождя уже не было, но воздух оставался мокрым, тяжёлым. У кофейни кто-то смеялся. Женщина в красном пальто фотографировала витрину с пирожными. Дворник сметал в одну кучу листья, окурки и влажные рекламные листовки.

Алина вдруг подумала, что именно так теперь выглядит её жизнь: всё разное, грязное, яркое, мёртвое — в одной куче, которую кто-то терпеливо пытается убрать до следующего ветра.

В квартире было пусто.

Она вошла, сняла пальто, повесила ключи на крючок. Крючок был в форме маленького домика. Кирилл купил его на ярмарке много лет назад, когда они ещё жили на съёмной квартире и мечтали «когда-нибудь сделать всё красиво». Тогда у них не было денег на нормальный шкаф, но был смешной деревянный домик для ключей. Алина настояла, чтобы они взяли его с собой в новую квартиру.

Теперь домик висел у входа, и ключи Кирилла на нём отсутствовали.

Она прошла на кухню, налила воду, сделала два глотка и поставила стакан, не допив. Тело требовало действий. Не истерики, не слёз — действий. Найти. Проверить. Понять.

Вчера Вера была профилем, фотографиями, шарфом.

Сегодня она стала голосом в телефоне Кирилла.

Не звони ей. Не вздумай.

Алина пошла в спальню и открыла нижний ящик комода.

Там лежали старые зарядки, чехлы от телефонов, переходники, наушники с одним неработающим ухом, пластиковая коробка от роутера и вся та бесполезная техника, которую люди не выбрасывают, потому что «вдруг пригодится». Кирилл всегда смеялся над её привычкой всё раскладывать, но сам хранил провода так, будто готовился к концу света.

Она начала доставать вещи одну за другой.

Чёрный кабель. Белый кабель. Блок питания. Сломанный фитнес-браслет. Старая флешка с надписью «Море 2017». Пульт от светодиодной ленты, которую они так и не повесили на лоджии.

И телефон.

Старый Кириллов телефон, с треснувшим стеклом в углу. Он купил новый почти год назад, сказав, что этот начал «умирать». Алина помнила, как он раздражался из-за батареи, которая садилась за полдня. Потом старый телефон перекочевал в ящик. Или она так думала.

Она взяла его в руку.

Он был холодный. Тяжёлый. Мёртвый.

Алина нашла подходящий шнур, подключила к розетке. На экране появилась тонкая красная полоска батареи. Она села на край кровати и стала ждать.

Пять минут.

Десять.

За окном кто-то завёл машину. Соседская собака тявкнула два раза и замолчала. В рабочем чате снова писали про макет, которому требовалось «больше доверия». Алина не открывала.

Телефон ожил.

На экране вспыхнула заставка — фотография Матвея в пять лет, с мороженым на щеке. Это было так больно, что Алина едва не выключила телефон обратно.

Появилось поле пароля.

Она ввела день рождения Матвея.

Неверно.

Ввела дату их свадьбы.

Неверно.

Потом, сама не понимая почему, ввела четыре цифры: день, когда они въехали в эту квартиру. Кирилл тогда сказал: «Запомни, это теперь наш настоящий старт».

Телефон разблокировался.

Алина тихо выдохнула.

Сначала она открыла сообщения. Почти пусто. Старые коды от банка, уведомления доставки, несколько переписок с коллегами. Ничего. Звонки — тоже почти ничего. Фото — семейные, рабочие, случайные. Матвей на велосипеде. Алина в профиль у окна. Чертежи. Скриншоты фасадов. Пустые улицы.

Слишком чисто.

Именно эта чистота насторожила её больше, чем если бы там сразу нашлись чужие сердечки.

Она открыла приложения.

Некоторые были устаревшие, часть не запускалась. Потом заметила иконку социальной сети, которой Кирилл вроде бы давно не пользовался. Обычный значок, ничего особенного. Она нажала.

Приложение открылось без пароля.

Сначала Алина увидела ленту. Не его основной аккаунт. Другой.

На аватарке — чёрно-белая фотография пустого перекрёстка ночью. Без лица. Без имени. Никнейм: k.s.nebo.

Сердце у Алины стукнуло глухо и сильно.

Она открыла профиль.

Пятьсот двадцать три подписчика. Почти двести публикаций.

Ни одной семейной фотографии.

Ни Алины.

Ни Матвея.

Ни их кухни, ни отпуска, ни школьного праздника, ни смешной фотографии с Нового года, где Кирилл надел на голову мишуру и Матвей кричал: «Папа — ёлка!»

Ничего.

Только город.

Пустые дворы. Стекланные фасады бизнес-центров. Мокрый асфальт. Окна многоэтажек. Одинокие остановки. Снег на лавке. Чашка кофе на подоконнике. Мужские руки на руле. Тень человека на стене.

И тексты.

Алина открыла первый попавшийся.

«Иногда приходишь домой и понимаешь: дом — это не стены. Это место, где тебя замечают. Если тебя не замечают, ты просто ночуешь среди мебели».

Дата — восемь месяцев назад.

Восемь.

Она открыла следующий.

«Самое страшное — не одиночество. Самое страшное — быть рядом с человеком, который уверен, что знает тебя лучше, чем ты сам».

Дата — год и два месяца назад.

Алина почувствовала, как у неё холодеют пальцы.

Год и два месяца.

Тогда Веры, если верить Кириллу, ещё не было. Или он врал и здесь. Но даже если не врал — значит, эта вторая жизнь началась до неё. До женщины в бежевом пальто. До отеля. До видео.

Она листала дальше.

«Я научился говорить “нормально” так убедительно, что однажды сам поверил».

«В моей квартире много света, но почему-то всё равно темно».

«Есть люди, рядом с которыми ты становишься функцией: принеси, отвези, оплати, не забудь. А ведь когда-то ты был человеком».

Алина закрыла глаза.

Вот он.

Не просто измена.

Архив его обиды. Красивый, вычищенный, отредактированный. Без детского кашля ночью, без её рабочих дедлайнов, без его забытых обещаний, без ипотеки, без посуды, без реальности. Он писал о себе как о герое тихой трагедии. О мужчине, которого не слышат. О человеке, вынужденном исчезать.

А где в этих текстах была она?

Она была фоном. Холодной стеной. Женщиной без лица.

Такой же, какой теперь её видели читатели районного канала: жена, которая «наверное, сама довела».

Алина открыла публикацию за день их годовщины.

Она помнила этот день. Матвей тогда заболел, у него была температура, они отменили ресторан. Кирилл купил торт по дороге домой, но пришёл поздно, когда сын уже спал, а Алина сидела в пижаме на кухне, уставшая, с градусником в руке. Они съели торт молча. Потом Кирилл сказал: «Ну вот и отметили». Она тогда не нашла сил ни улыбнуться, ни обидеться.

Пост в его втором аккаунте был опубликован той же ночью.

Фотография: кусок торта на тарелке. Темнота за окном.

Подпись:

«Иногда праздник — это просто доказательство, что дата выжила дольше чувства».

Алина уронила телефон на покрывало.

Несколько секунд она сидела неподвижно.

Ей казалось, что она снова смотрит видео. Только это было другое видео — длиннее, страшнее. Не одиннадцать секунд, а годы. Годы, где Кирилл сидел рядом с ней за столом, ел торт, гладил сына по голове, целовал её в висок перед сном, а потом уходил в телефон и писал незнакомым людям, что чувства больше нет.

Она подняла телефон снова.

Открыла комментарии.

Под ранними постами было немного реакций: какие-то случайные подписчики, коллеги, женщины с аватарками цветов и кофе. А потом, примерно семь месяцев назад, появилось имя.

Вера Л.

Первый комментарий был под фотографией ночной улицы. Фонарь, мокрый снег, пустая дорога.

Пост Кирилла:

«Есть вечера, когда кажется: если исчезнешь, никто не заметит сразу. Только утром спросят, где ключи от машины».

Комментарий Веры:

«Вы так пишете, будто вас никто не слышит. А я услышала».

Алина перечитала эти слова.

Один раз.

Второй.

Третий.

И вдруг почувствовала не ревность. Не злость даже.

А что-то хуже.

Она увидела начало.

Не отель. Не поцелуй. Не руку на талии.

Вот здесь. Под фотографией ночной улицы. В одной фразе, мягкой и почти невинной.

А я слышала.

Алина сидела на их кровати со старым телефоном Кирилла в руках и понимала: Вера не ворвалась в их жизнь. Её впустили. Сначала в комментарий. Потом в переписку. Потом в боль. Потом в тело. Потом в ту часть Кирилла, которую он когда-то приносил домой, но давно перестал ей показывать.

Она открыла профиль Веры из комментария.

Тот же мягкий свет. Те же чужие семьи. Те же руки, младенцы, окна, ткани, тишина.

Только теперь Алина видела не фотографа.

Она видела женщину, которая первой написала её мужу слова, которых он хотел от неё.

Телефон завибрировал в руке.

На старом экране всплыло уведомление.

Не новое — старое, непрочитанное в архиве приложения, поднявшееся после подключения к сети.

Вера Л.:

Кирилл, я не хочу быть местом, куда ты сбегашь. Скажи честно: ты всё ещё её любишь?

Алина застыла.

Воздух в комнате стал густым.

Она смотрела на сообщение, и впервые за все эти дни её ударило не то, что он изменял.

А то, что где-то там, по другую сторону его второй жизни, другая женщина тоже ждала правды.

И, возможно, тоже не получила.

Глава 7. Незнакомка по ту сторону экрана

Алина не сразу решилась написать Вере.

Сначала она просто сидела на кровати, держа старый телефон Кирилла в руках, и смотрела на экран, где висело сообщение:

Кирилл, я не хочу быть местом, куда ты сбегаешь. Скажи честно: ты всё ещё её любишь? Её.

Алина никогда не думала, что местоимение может ударить сильнее имени.

Не «Алину». Не «жену». Не «мать твоего сына». Просто — её. Женщина без лица в чужой переписке. Препятствие. Тень между двумя людьми, которые обсуждают любовь так, будто законная жена — это старая мебель, которую пока неудобно вынести из квартиры.

Но в этих словах было и другое. То, что Алина ненавидела замечать.

Вера спрашивала не как победительница.

Она спрашивала как женщина, которая тоже боится.

Алина отложила телефон на покрывало, словно тот стал живым и мог укусить. Встала, прошла к окну. За стеклом «Береговой квартал» жил своей глянцевой утренней жизнью: на детской площадке няня поправляла девочке шапку, курьер в жёлтой куртке нёс пакеты из супермаркета, у кофейни две женщины смеялись над чем-то в телефоне.

Она подумала: возможно, одна из них вчера писала под видео, что «мужчины просто так не уходят».

Уходят, хотелось ответить Алине. Ещё как уходят. Иногда даже оставаясь дома. Пьют кофе на твоей кухне, складывают носки в твою стиральную машину, целуют сына в макушку — и всё равно уходят. Сначала в молчание. Потом в телефон. Потом в чужую жалость.

Вера слышала его.

Алина — нет.

Эта мысль была несправедливой, мерзкой, почти предательской по отношению к самой себе. И всё же она была.

Алина резко отодвинулась от окна, взяла свой телефон и открыла профиль Веры Ланской. Не второй аккаунт Кирилла — её настоящий профиль. Свет. Дети. Беременные женщины. Домашние съёмки. Чашки, пледы, окна. И тот самый шарф.

Она листала фотографии, пока не остановилась на свежем посте.

На снимке была женщина со спины, сидящая на подоконнике. Лица не видно. Тонкая шея, свободная белая рубашка, чашка в руках. За окном — дождь. Снимок был красивый, почти болезненный, из тех, что заставляют чужую усталость выглядеть эстетикой.

Подпись:

«Иногда человек приходит в твою жизнь не для счастья. Иногда — чтобы показать, где ты давно перестала быть собой».

Алина перечитала подпись.

Потом ещё раз.

Пальцы сами нажали на поле комментария.

Она написала:

А если этот человек чужой?

Посмотрела на фразу и тут же стёрла.

Слишком прямо.

Написала снова:

Красиво сказано.

Тоже стёрла.

Глупо. Похоже на одну из тех женщин, которые приходят под чужие посты с пустыми сердечками и бессмысленным восхищением.

Алина бросила телефон на кровать.

— Что я делаю? — сказала она вслух.

Квартира не ответила.

Из детской доносилось тиканье настенных часов в виде ракеты. Матвей сам выбрал их в магазине, когда ему было шесть. Кирилл тогда сказал: «Время должно лететь красиво». Алина теперь думала: время не летит. Оно иногда стоит у тебя над плечом и смотрит, как ты унижаешься.

Она подняла телефон снова.

Нет. Писать Вере от своего имени нельзя.

Не потому что страшно. Потому что тогда всё сразу станет открытым: жена пришла к любовнице. С болью, вопросами, унижением. Алина не была готова дать Вере такую власть — увидеть её в момент, когда она ещё не собрала себя с пола.

Но ей нужно было знать.

Не от Кирилла. Он уже доказал, что правда в его руках превращается в удобную глину. Не от Полины, не от районного канала, не от Светы, которая из любви способна поджечь всё вокруг.

От Веры.

Алина открыла настройки приложения и вышла из своего аккаунта. Потом долго сидела перед строкой регистрации.

Имя.

Она могла бы придумать что-то случайное. Анна. Мария. Ольга. Но эти имена казались слишком живыми, будто за ними должны были стоять настоящие женщины, которых она втягивает в свою грязь.

В конце она написала: Ника.

Коротко. Без прошлого. Без фамилии.

Аватарку выбрала нейтральную — серое море, найденное в старых фотографиях. Они ездили туда с Кириллом пять лет назад, когда Матвей впервые увидел волны и закричал, что море «слишком большое и не спрашивает разрешения». Алина помнила, как Кирилл смеялся, снимая их на телефон.

Теперь это море стало лицом незнакомки.

Она создала аккаунт и почувствовала, как внутри что-то холодно щёлкнуло.

Вот так, наверное, Кирилл когда-то тоже сделал первый шаг. Без грома. Без молнии. Просто придумал вторую дверь и вошёл.

Алина открыла профиль Веры уже под новым именем.

Палец завис над кнопкой «Подписаться».

— Нет, — прошептала она. — Я не буду такой.

Но нажала.

Секунда.

Две.

Ничего не произошло.

Мир не рухнул второй раз. Никто не выскочил из шкафа с табличкой «Позор». Просто на экране появилась надпись: Вы подписаны.

Алина хотела закрыть приложение, но в этот момент пришло уведомление.

Вера Ланская приняла ваш запрос.

У Алины перехватило дыхание.

Профиль был частично закрыт. Значит, Вера увидела её. Увидела серое море, пустую Нику, ноль публикаций. И всё равно приняла.

Через минуту пришло сообщение.

Вера:

Здравствуйте. Мы знакомы?

Алина смотрела на эти два слова: мы знакомы?

Да, хотела она написать. Ты снимала моего сына. Ты видела меня на школьном стуле. Ты читала боли моего мужа. Ты держала в руках его шарф. Ты знала о моём существовании, даже если делала вид, что я уже не существую.

Но ответила иначе.

Ника:

Нет. Простите, если странно. Я увидела ваши фотографии. Они очень живые.

Вера ответила не сразу.

Пять минут Алина ходила по спальне, потом по коридору, потом на кухню. Поставила чайник. Не включила. Открыла холодильник. Закрыла. Снова взяла телефон.

Вера:

Спасибо. Живые — это лучший комплимент для фотографа.

Алина села за стол.

На кухне всё было слишком узнаваемым: кружка Кирилла, которую она так и не убрала; яблоко с маленьким тёмным пятном; детский рисунок на холодильнике. Она писала любовнице мужа, сидя в доме, где всё ещё пахло его утренним кофе.

Ника:

У вас много семейных съёмок. Не тяжело всё время смотреть на чужое счастье?

Сообщение ушло.

Алина сразу пожалела. Слишком остро. Слишком лично.

Но Вера ответила.

Вера:

Иногда тяжело. Особенно когда понимаешь, что на фотографиях люди хотят увидеть не себя, а доказательство, что у них всё хорошо.

Алина замерла.

Это была не пустая красивая фраза. В ней было знание. Усталое, слишком точное.

Ника:

А если не всё хорошо?

Пауза.

Вера:

Тогда хороший фотограф не врёт. Просто оставляет в кадре то, ради чего ещё можно остаться.

Алина прочитала это и вдруг вспомнила тот снимок со школьного праздника: она поправляет Матвею воротник. Уставшая. Нежная. Настоящая. Вера оставила в кадре то, ради чего Алина оставалась.

И всё равно стала частью того, от чего теперь хотелось уйти.

Злость поднялась резко.

Ника:

Вы верите в семьи? После всего, что видите?

Вера долго не отвечала.

Алина успела забрать Матвея из школы, купить хлеб, выслушать от него историю про то, как Глеб спрятал в пенал жука, ответить Марине Сергеевне, что макет она пришлёт завтра утром, и не ответить Кириллу на три сообщения.

Ты где?

Матвей с тобой?

Алина, пожалуйста, не молчи.

Она не молчала. Просто говорила не с ним.

Вечером, когда Матвей делал уроки, телефон наконец мигнул.

Вера:

Я верю не в семьи. Я верю в моменты, когда люди ещё могут быть честными. Иногда этого хватает. Иногда нет.

Алина сидела рядом с Матвеем и проверяла его примеры. Семь плюс восемь. Девять минус четыре. Простые действия, где у каждого ответа было место и смысл.

В её жизни математика больше не работала.

Она написала:

Ника:

А если честность разрушит чужую жизнь?

Вера ответила почти сразу.

Вера:

Ложь разрушает сильнее. Просто медленнее.

Алина закрыла глаза.

Если бы это написала другая женщина — любая, случайная, незнакомая, — она бы, возможно, согласилась. Но это писала Вера. Женщина, которая сама жила в чужой лжи, согревалась ею, украшала её словами, принимала от неё шарфы, вечера, поцелуи.

И всё же фраза была правдой.

Ложь разрушает медленнее.

Она уже видела развалины.

— Мам, а сколько будет семь плюс восемь? — спросил Матвей.

— Пятнадцать.

— А почему ты грустная?

Алина убрала телефон экраном вниз.

— Я не грустная. Думаю.

— О плохом?

— О сложном.

Матвей нахмурился.

— Сложное — это когда ответ есть, но его долго искать?

Алина посмотрела на сына.

— Да, мой хороший. Примерно так.

Он кивнул и вернулся к тетради.

Позже, когда Матвей уснул, Алина снова открыла переписку. Вера была онлайн. Это почему-то кольнуло. Где она сейчас? Дома? У окна? В той комнате, где лежал шарф Кирилла? Или рядом с ним?

Кирилл в этот вечер не пришёл к ужину. Написал, что задержится на работе.

Алина не спросила, на какой именно.

Она написала Вере:

Ника:

Можно задать личный вопрос?

Ответ пришёл через несколько секунд.

Вера:

Можно. Но я могу не ответить.

Алина почти усмехнулась. Осторожная. Умная. Не та, кто бросается словами. И от этого становилось хуже.

Ника:

Вы когда-нибудь любили человека, который был не свободен?

Пальцы дрожали, когда она нажимала «отправить».

На экране появилась отметка: прочитано.

Потом Вера исчезла из онлайна.

Алина сидела на кухне в темноте. Только подсветка над плитой горела тусклым жёлтым светом. За стеной тикали часы Матвея. На столе лежали старый телефон Кирилла и её новый аккаунт — две двери в одну и ту же чужую комнату.

Она уже хотела закрыть переписку, когда пришёл ответ.

Вера:

Да.

Одно слово.

Алина почувствовала, как сердце ударило о рёбра.

Через минуту пришло второе сообщение.

Вера:

Но я долго убеждала себя, что он несвободен только на бумаге.

Алина положила ладонь на рот.

Вот она. Не догадка. Не комментарий Полины. Не Кириллова «всё сложно».

Вера знала.

Пусть оправдывала. Пусть верила. Пусть цеплялась за слова «на бумаге». Но знала.

Алина набрала:

Ника:

А жена?

Стерла.

Снова набрала:

Ника:

А женщина, с которой он жил?

Стерла и это.

Потом написала:

Ника:

И вам не было страшно?

Вера ответила не сразу.

Вера:

Было. Но страшнее было поверить, что я снова никому не нужна целиком.

Алина застыла.

Эта фраза не оправдывала Веру. Ничего не могло оправдать женщину, которая видела чужую семью и всё равно решила, что имеет право на её осколки.

Но фраза сделала её живой.

Алина ненавидела это.

Она хотела монстра. Хотела хищницу, глянцевою разлучницу, женщину с острыми ногтями и пустыми глазами. Такую легко было бы раздавить. Такую можно было бы ненавидеть без стыда.

А по ту сторону экрана была женщина, которая боялась быть ненужной.

И Алина, к своему ужасу, знала этот страх.

Телефон завибрировал от входящего звонка.

Кирилл.

Она сбросила.

Через секунду пришло сообщение:

Я скоро буду. Нам надо поговорить.

Алина посмотрела на эти слова и вдруг поняла, что не хочет сейчас слышать его голос. Его «сложно», «запутался», «не хотел». Его осторожные попытки сделать из всех виноватых, кроме самого себя.

Она вернулась в переписку с Верой.

Ника:

Вы его любите?

На этот раз Вера отвечала долго.

Так долго, что Алина успела услышать, как в замке повернулся ключ.

Кирилл вошёл тихо. В прихожей зашуршало пальто. Он не позвал её сразу. Видимо, увидел свет на кухне и понял, что она не спит.

Алина сидела неподвижно, глядя на экран.

Сообщение пришло в тот момент, когда Кирилл остановился за её спиной.

Вера:

Я люблю человека, который давно не живёт с женой по-настоящему. Иногда мне кажется, я спасаю его. Иногда — что предаю себя.

Алина прочитала.

Один раз.

Второй.

Третий.

Кирилл тихо сказал:

— Алин?

Она перевернула телефон экраном вниз.

Медленно. Спокойно.

И впервые за эти дни поняла: Вера любила не её мужа.

Вера любила историю, которую Кирилл ей рассказал.

А значит, где-то в этой истории Алину уже давно похоронили.

Просто забыли пригласить её на собственные поминки.

Глава 8. Нина Сергеевна

Нина Сергеевна приехала в субботу утром без звонка.

Алина открыла дверь не сразу. Сначала долго смотрела в глазок на аккуратную седую женщину в тёмно-синем пальто, с кожаной сумкой на локте и термопакетом в руке. Свекровь стояла прямо, как у доски перед непослушным классом, и даже в подъездном полумраке выглядела так, будто пришла не в гости, а проверять санитарное состояние чужой жизни.

Нина Сергеевна всегда умела появляться в момент, когда её меньше всего хотели видеть.

Кирилла дома не было. После вчерашнего разговора — если это можно было назвать разговором — он почти не спал, утром сказал, что ему нужно «привести голову в порядок», и ушёл. Алина не спросила куда. Она уже устала спрашивать о маршрутах человека, у которого, как выяснилось, давно были вторые дороги.

Матвей сидел в детской и собирал из конструктора космический лифт. Он пел себе под нос что-то бессмысленное, тихое. В такие минуты Алина чувствовала почти физическое облегчение: ребёнок занят, ребёнок не спрашивает, ребёнок пока ещё не рухнул вместе с ними.

Звонок повторился.

Алина открыла.

— Доброе утро, — сказала Нина Сергеевна.

Голос у неё был ровный, хорошо поставленный. Тридцать пять лет в школе не проходят бесследно: даже «доброе утро» звучало как начало воспитательной беседы.

— Вы без предупреждения, — сказала Алина.

— В семье не предупреждают.

Алина почти улыбнулась.

— В семье не только это делают без предупреждения.

Нина Сергеевна на секунду задержала на ней взгляд. Взгляд был холодный, оценивающий: лицо бледное, волосы собраны кое-как, домашний свитер, под глазами тени. Не развалилась — плохо. Развалилась бы — тоже было бы плохо. Для Нины Сергеевны Алина всегда что-нибудь делала не так.

— Я принесла суп Матвею, — сказала она, поднимая термопакет. — Домашний. С фрикадельками. Дети в такие моменты должны нормально есть.

— В какие такие моменты?

— Алина.

Свекровь произнесла её имя с усталым укором, будто Алина была не женщиной, чей брак выставили в районном канале, а девочкой, которая упрямо не хочет признать очевидное.

— Можно войти? Или будем обсуждать семейные дела на лестнице?

Алина отступила.

Нина Сергеевна вошла, сняла пальто, аккуратно повесила его на крючок. Не на тот, где обычно висело пальто Кирилла. На свободный. Сумку поставила на банкетку, термопакет понесла на кухню сама, как хозяйка, которая временно отсутствовала, а теперь вернулась и обнаружила беспорядок.

— Матвей дома? — спросила она.

— В детской.

— Я к нему зайду.

— Сначала поговорите со мной.

Нина Сергеевна остановилась у кухонного стола. Поставила пакет. Обернулась.

— Я и приехала поговорить.

— Нет. Вы приехали проверить, насколько всё плохо, и объяснить мне, что я должна вести себя прилично.

Свекровь медленно расстегнула перчатки.

— Ты всегда была резкой.

— А ваш сын всегда был верным. Видите, как много нового мы узнаём друг о друге.

Щёки Нины Сергеевны чуть дрогнули, но она удержалась. Она вообще хорошо удерживалась. Алина за десять лет брака видела её плачущей только один раз — на выпускном Кирилла из какого-то профессионального конкурса, когда тот получил премию. Даже тогда слёзы у Нины Сергеевны выглядели дисциплинированно: две капли, ни одной лишней.

— Я знаю про видео, — сказала она.

— Не сомневаюсь.

— Это безобразие.

— Измена?

— Публикация.

Алина тихо выдохнула.

Вот и всё. Вот вся суть.

Не рука Кирилла на чужой талии. Не его ложь. Не комментарии под видео. Не то, что Матвей теперь ходит по дому так осторожно, будто может наступить на слово «развод».

Публикация.

Позор не в том, что случилось. Позор в том, что увидели.

— Конечно, — сказала Алина. — Главное, что люди узнали. А не то, что ваш сын это сделал.

Нина Сергеевна сняла перчатки до конца, положила их рядом с сумкой. Каждое движение — ровное, точное. Как будто аккуратность могла удержать мир от распада.

— Кирилл совершил ошибку.

Алина подняла глаза.

— Ошибку?

— Да.

— Ошибка — это когда соль вместо сахара. Когда перепутал дату родительского собрания. Когда отправил сообщение не в тот чат. А когда месяцами врешь жене и целуешь другую женщину у отеля — это выбор.

— Ты сейчас на эмоциях.

— Ненавижу эту фразу.

— Потому что она правдивая.

— Нет. Потому что ею обычно пользуются люди, которым выгодно, чтобы женщина замолчала.

Нина Сергеевна посмотрела на неё внимательно. В её взгляде впервые мелькнуло не раздражение, а что-то похожее на настороженность.

— Ты хочешь разрушить семью?

Алина усмехнулась.

— Как удобно. Кирилл изменил, а разрушить семью могу я.

— Разрушает тот, кто не даёт исправить.

— А предаёт кто?

Свекровь не ответила.

Из детской донеслось:

— Ба?

Матвей появился в коридоре, держа в руках недостроенную конструкцию. Увидел Нину Сергеевну и обрадовался, но не так безоглядно, как раньше. Алина заметила эту маленькую задержку — сначала взгляд на мать, потом улыбка бабушке. Ребёнок уже научился сверять радость с обстановкой.

— Матвейка, — лицо Нины Сергеевны смягчилось. — Иди ко мне.

Он подошёл. Она обняла его, слишком крепко, как будто хотела забрать не только внука, но и право решать, что с ним будет.

— Я тебе суп принесла. С фрикадельками.

— Ура, — сказал Матвей. — А папа придёт?

В кухне стало тихо.

Нина Сергеевна погладила его по волосам.

— Конечно придёт. Папа тебя очень любит.

Алина закрыла глаза на секунду. Никто не спорил с этим. Именно это и было невыносимо. Кирилл любил Матвея. И всё равно делал то, что теперь рвало ребёнка на части.

— И маму? — вдруг спросил Матвей.

Нина Сергеевна замерла.

Алина почувствовала, как сердце болезненно ударило в грудь.

Свекровь первой пришла в себя.

— Взрослые иногда ссорятся, — сказала она. — Но умные взрослые умеют мириться.

Матвей посмотрел на Алину.

— Мам?

— Иди пока в комнату, — сказала Алина мягко. — Мы с бабушкой поговорим.

— Вы будете ругаться?

— Нет.

Нина Сергеевна вмешалась:

— Конечно нет. Мы же семья.

Алина посмотрела на неё. Свекровь выдержала взгляд.

Матвей ушёл, но дверь детской не закрыл. Через щель было видно, как он садится на ковёр и делает вид, что снова занят конструктором.

Нина Сергеевна подошла к плите, достала кастрюлю, начала переливать суп. Без разрешения. Алина наблюдала за ней молча.

— Ему нужен отец, — сказала свекровь, не оборачиваясь.

— У него есть отец.

— Не делай вид, что не понимаешь.

— Я не делаю вид. Это у нас, кажется, семейная специальность по линии Соловьёвых.

Нина Сергеевна резко поставила половник.

— Не надо говорить со мной таким тоном.

— А каким тоном говорить с женщиной, которая приехала защищать моего мужа от последствий его измены?

— Я приехала защищать ребёнка.

— Нет. Вы приехали защищать Кирилла, прикрывшись Матвеем.

Свекровь обернулась.

— Ты думаешь, разводом ты сделаешь сыну лучше?

— Я думаю, ложью я точно сделаю ему хуже.

— Ему восемь лет.

— Именно поэтому взрослые должны перестать использовать его как аргумент.

Нина Сергеевна долго смотрела на Алину. Потом села за стол. Впервые за всё утро она выглядела старше своих лет.

— Мужчины ошибаются, — сказала она тихо. — Это не значит, что надо сразу всё рушить.

Алина села напротив.

— Он не поскользнулся, Нина Сергеевна. Он строил вторую жизнь. Аккаунт без нас. Посты о том, как он несчастен. Женщина, которой он рассказывал, что наш брак мёртв. Вы называете это ошибкой?

Свекровь вздрогнула почти незаметно.

— Ты копаешься в грязи.

— Я в ней живу. Ваш сын принёс.

— Ты тоже не подарок.

Алина кивнула.

— Да.

Нина Сергеевна, кажется, не ожидала согласия.

— Я не подарок, — повторила Алина. — Я уставшая, резкая, иногда холодная. Я много работаю, часто срываюсь, не всегда слышу. Но знаете, в чём разница? Я не пошла искать мужчину, которому буду рассказывать, какой Кирилл бесполезный муж, пока он дома читает нашему сыну сказку.

Свекровь поджала губы.

— Умная женщина не отдаёт мужа первой встречной.

Алина смотрела на неё несколько секунд. Потом сказала очень спокойно:

— Умная женщина не держит дома мужчину, который уже ушёл. Даже если его тапки ещё в прихожей.

Нина Сергеевна побледнела.

Не просто обиделась — именно побледнела. Как будто Алина случайно открыла дверь в комнату, куда входить было запрещено.

— Ты ничего не знаешь, — сказала свекровь.

— О чём?

— О жизни.

— Или о вашем муже?

Тишина стала острой.

Нина Сергеевна медленно поднялась из-за стола. На лице у неё появилось выражение, которого Алина раньше не видела: не властность, не раздражение, а страх, превращённый в злость.

— Не смей.

Алина тоже встала.

— Вот теперь мы наконец говорим о правде?

— Ты повторяешь чужие глупости.

— Кирилл повторил путь отца?

Свекровь ударила ладонью по столу. Негромко, но достаточно, чтобы в детской что-то упало. Матвей, наверное, выронил деталь конструктора.

— Мой муж нас бросил, — сказала Нина Сергеевна. — Бросил меня с двенадцатилетним сыном и больной матерью. Ушёл к женщине, которая была моложе на пятнадцать лет. Он не «ошибся». Он сбежал. А я вытащила Кирилла одна. Я сделала из него человека. Порядочного человека.

— Порядочные люди тоже предают.

— Нет.

Это «нет» прозвучало почти детски.

Алина вдруг увидела перед собой не свекровь, не бывшую завуч, не женщину, которая всю жизнь знала, как правильно. Она увидела молодую Нину, оставленную в квартире с сыном, с чужими взглядами, с позором, с необходимостью на следующий день встать, накраситься и пойти на работу так, будто её не выбросили из любви.

И стало почти жалко.

Почти.

— Вы защищаете не Кирилла, — сказала Алина тише. — Вы защищаете себя. Если признать, что он сделал это, придётся признать, что боль не сделала вас мудрее. Она просто научила вас терпеть.

Глаза Нины Сергеевны стали стеклянными.

— Осторожно, Алина.

— Нет. Я слишком долго была осторожной. Чтобы не обидеть Кирилла. Чтобы не спорить с вами. Чтобы Матвей не слышал. Чтобы соседи не подумали. Чтобы семья выглядела семьёй.

— А теперь что? Будешь устраивать показательные казни? Выставишь отца своего ребёнка на улицу, а потом будешь гордиться принципами?

— Я буду решать, как мне жить после того, что сделал ваш сын.

— Он твой муж.

— Он сам забыл.

Нина Сергеевна подошла к окну. Несколько секунд смотрела вниз, во двор. Потом сказала:

— Ты думаешь, уйти — это достоинство? Нет, Алина. Иногда это гордыня. Ты молодая, красивая, сейчас тебе кажется, что впереди другая жизнь. А потом останешься одна. С ребёнком. С обидой. Будешь каждый праздник делать вид, что тебе не больно, когда он у отца. Будешь ненавидеть чужие семьи в кафе. Будешь ждать, что кто-то вернёт тебе то, что сама разрушила.

Алина слушала и понимала: Нина Сергеевна говорит не о ней.

О себе.

— Вы остались? — спросила она тихо.

Свекровь повернулась.

— Что?

— Если бы ваш муж захотел вернуться. Вы бы приняли?

Нина Сергеевна молчала так долго, что ответ стал очевиден.

— Он не захотел, — сказала она наконец.

Алина впервые увидела на её лице настоящую боль. Старую, зацементированную, но живую. Нина Сергеевна всю жизнь рассказывала, что сама выгнала мужа, сама справилась, сама победила. А правда, возможно, была проще и страшнее: её не выбрали. И она сделала из этого религию контроля.

— Мне жаль, — сказала Алина.

Свекровь вздрогнула, будто сочувствие было пощёчиной.

— Не смей меня жалеть.

— Тогда не заставляйте меня прожить вашу жизнь, чтобы вам стало легче.

Нина Сергеевна взяла сумку. Пальцы у неё дрожали, когда она искала перчатки.

— Ты думаешь, Кирилл останется виноватым навсегда? Нет. Люди быстро устанут тебя жалеть. Потом начнут спрашивать, почему ты не сохранила семью. Почему не подумала о сыне. Почему не простила. Так устроена жизнь.

— Значит, пусть спрашивают.

— А Матвей? Он тоже будет спрашивать.

Алина похолодела.

— Не трогайте Матвея.

— Я его бабушка.

— Поэтому особенно не трогайте.

Нина Сергеевна посмотрела на неё долго, тяжело. В дверях детской скрипнула петля. Матвей явно слушал.

Свекровь понизила голос:

— Если ты разрушишь Кириллу жизнь, я сделаю так, что Матвей узнает, какая ты мать.

Алина не сразу поняла смысл фразы.
Потом поняла.
Не содержание — угрозу.
Всё внутри стало пустым.
— Какая я мать? — спросила она тихо.
Нина Сергеевна уже надела пальто.
— Это будет зависеть от тебя.
Она пошла к двери.
Алина не двигалась.
У выхода свекровь остановилась, не оборачиваясь.
— Суп поставь в холодильник. Не порти хотя бы еду.
Дверь закрылась мягко.
Не хлопнула.
В этом доме вообще никто теперь не хлопал дверями. Все берегли тишину так, будто она могла скрыть то, что уже прорвалось наружу.
Из детской вышел Матвей.
В руках он держал недостроенный космический лифт. Одна башня сломалась.
— Мам, — сказал он. — Бабушка на тебя злится?
Алина присела перед ним.
Ей хотелось сказать: нет. Хотелось снова завернуть мир в мягкую взрослую ложь.
Но ложь уже и так была везде. В супе с фрикадельками. В словах «семью надо сохранять».
В Кирилловом втором аккаунте. В улыбках соседей. В просьбах не делать резких движений.
— Да, — сказала Алина. — Кажется, злится.
Матвей нахмурился.
— Из-за папы?
— Из-за взрослых ошибок.
Он подумал.
— А взрослые могут исправить ошибки?
Алина посмотрела на сломанную башню в его руках.
— Могут. Но сначала должны признать, что это они её сломали.
Матвей кивнул и прижался к ней.
Алина обняла его крепко, закрывая глаза.
В прихожей всё ещё пахло духами Нины Сергеевны — сухими, строгими, горькими.
А на кухне остывал суп, принесённый как забота.
И угроза, оставленная как приправа.

Глава 9. Роман Князев

После ухода Нины Сергеевны Алина вымыла кухню.

Не потому что там было грязно. Наоборот — всё было почти стерильно: суп в кастрюле, тарелки в сушилке, стол протёрт, крошки убраны. Но ей нужно было занять руки. Если руки останавливались, начинала работать память.

Если ты разрушишь Кириллу жизнь, я сделаю так, что Матвей узнает, какая ты мать.

Фраза свекрови не уходила. Она стояла у Алины за спиной, пока та смывала с губки пену, вытирала плиту, перекладывала ложки в ящик. Нина Сергеевна уехала, но будто оставила в квартире свою холодную уверенность: ты не просто жена, которую предали. Ты ещё и мать, которую можно обвинить.

Матвей ел суп молча.

— Вкусно? — спросила Алина.

Он пожал плечами.

— Бабушка вкусно готовит.

— Да.

— А она правда злится из-за взрослых ошибок?

Алина села напротив него.

— Да.

— А папа сделал ошибку?

Ложка застыла у него в руке.

Алина почувствовала, как внутри всё сжалось. Вот оно. Первый настоящий вопрос. Не про диван, не про ссору, не про то, придёт ли папа. Вопрос, за которым стояла детская попытка построить карту мира: кто виноват, кто хороший, кто плохой, куда теперь вставать самому.

— Папа сделал больно, — сказала она осторожно. — Мне. И себе тоже.

Матвей нахмурился.

— А мне?

Алина не выдержала и взяла его ладонь.

— Тебе мы постараемся больше не делать больно.

Он посмотрел на неё так, будто очень хотел поверить. Но вера у детей тоже иногда устаёт.

После обеда Алина уложила его смотреть мультфильм, а сама вышла на лоджию и позвала Свете.

Подруга ответила

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.